

Саксонские
хроники

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ПУСТОЙ ТРОН

*В книгах Корнуэлла лучшие описания битв,
какие мне когда-либо доводилось читать.*

*Джордж Р. Р. Мартин,
создатель «Игры престолов»*

Бернард Корнуэлл
Пустой трон
Серия «The Big Book.
Исторический роман»
Серия «Саксонские хроники», книга 8

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36971528
Пустой трон : Азбука, Азбука-Антикус; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-389-15591-6*

Аннотация

Начало X столетия. Британским землям угрожает вторжение воинственных данов, и объединенные силы королевств Уэссекса и Мерсии с трудом противостоят им. Положение усугубляется со смертью Этельреда, владыки Мерсии, не оставившего законного наследника. Вдова Этельреда, несмотря на то что обычай велит ей уйти в монастырь, решает взять бразды правления в свои руки. Ее поддерживает доблестный полководец Утред Беббанбургский, но мерсийские лорды возмущены: где это видано, чтобы страной правила женщина? Между саксами начинается борьба за пустующий трон, а тем временем на северной границе появляется новый могущественный враг.

Восьмой роман из цикла «Саксонские хроники». Впервые на русском языке!

Содержание

Географические названия	6
Пролог	9
Часть первая. Умиравший лорд	47
Глава первая	47
Глава вторая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Бернард Корнуэлл

Пустой трон

Посвящается Пегги Дэвис

Bernard Cornwell

THE EMPTY THRONE

Copyright © 2015 by Bernard Cornwell

© А. Яковлев, перевод, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

* * *

Географические названия

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом. Уверен, некоторые читатели предпочтут другие варианты тех географических названий, что приведены в списке ниже, но я обычно использую написание, которое дает «Оксфордский» или «Кембриджский словарь английских географических названий» для эпохи, относящейся примерно ко времени правления Альфреда – 871–899 годам н. э., хотя и это не является непреложной истиной. К примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейгге». Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен.

Абергвайн – Фишгард, Пемброкшир

Аленкастр – Алстер, Уорикшир

Бембанбург – Бамбург-касл, Нортумберленд

Бемфлеот – Бенфлит, Эссекс

Брунанбург – Бромборо, Чешир

Вилтунскир – Уилтшир

Винтанкестер – Винчестер, Гемпшир

Вирхелум – полуостров Уиррел, Чешир

Глевекестр – Глостер, Глостершир

Дефнаскир – Девоншир

Кадум – Кан, Нормандия

Кракгелад – Криклейд, Уилтшир

Кумбраланд – Камбрия

Лунден – Лондон

Лунди – остров Ланди, Девон

Мэрс – река Мерси

Нейстрия – западная часть Франкии, включавшая Нор-

мандию

Селтвик – Дройтуич, Вустершир

Сестер – Честер, Чешир

Сирренкастр – Сайренсестер, Глостершир

Скиребурнан – Шерборн, Дорсет

Сэферн – река Северн

Теотанхель – Теттенхолл, Западный Мидленд

Тиддеви – Сент-Дэвидс, Пемброкшир

Торнсэта – Дорсет

Фагранфорда – Фейрфорд, Глостершир

Феарнхэм – Фарнхэм, Суррей

Эвесхэм – Ившем, Вустершир

Эофервик – Йорк

Пролог

Мое имя Утред. Я сын Утрета, который был сыном Утрета, а отца моего деда тоже звали Утретом. Отец мой писал свое имя как «Утрет», но я встречал такие его написания, как «Утрет», «Угтрет» и даже «Оутрет». Иные из этих имен значатся в древних пергаментях, удостоверяющих, что Утрет, сын Утрета и внук Утрета, есть единственный законный и вечный владетель земель, границы которых заботливо обозначены камнями и канавами, дубами и ясенями, болотами и морем. Земли эти лежат на севере страны, что мы привыкли величать Ингландом. Мои же владения именуются Беббанбургом. Это омываемый бурными водами и продуваемый холодным ветром край.

Беббанбург я увидел, уже будучи взрослым. Первая наша попытка его захватить провалилась. Тогда великой крепостью владел дядя моего отца. Он украл твердыню у моего родителя. То была кровная вражда. Церковь пыталась прекратить междоусобия: мол, всем саксам-христианам пристало бороться против язычников-викингов, будь то даны или норманны, но отец заставил меня принести клятву совершить месть. Откажись я, он лишил бы меня наследства и имени. Так же, как лишил всего моего старшего брата и отрекся от него, хотя и произошло это по другой причине – не из-за отказа совершить месть, а потому, что тот сделался священни-

ком. Раньше меня звали Осберт, но когда брат посвятил себя Богу, его имя перешло ко мне. Теперь Утредом Беббанбургским зовут меня.

Отец мой был язычником, военным вождем и страшным человеком. Он часто говорил, что боялся своего отца, но я ему не верил, потому что ничто, похоже, не способно было его испугать. Многие убеждены – если бы не мой отец, наша страна звалась бы Данеландом, а мы поклонялись Одину и Тору, и это верно. Верно и странно, потому что родитель ненавидел христианского Бога, называл Его «пригвожденным», но, вопреки своей ненависти, провел бóльшую часть жизни в боях против язычников. Церковь не признаёт, что Инглаланд возник благодаря моему отцу, говорит, что страну создали и завоевали христианские воины, но народ знает правду. Отца следовало бы величать Утредом Инглаландским.

Однако в год Господа нашего 911-й Инглаланда не было. Существовали Уэссекс, Мерсия, Восточная Англия и Нортумбрия. Когда зима перешла в пасмурную весну, я находился на границе Мерсии с Нортумбрией, в густо поросшем лесом краю к северу от реки Мэрс. Нас было тридцать восемь – все конные, мы выжидали среди голых высоких деревьев. Внизу простиралась долина, в которой журчал, убегая на юг, быстрый ручей, а в тенистых оврагах еще лежал скованный морозом снег. Совсем недавно здесь проскакали шестьдесят пять всадников, следуя течению потока, и скрылись из виду

там, где долина и ручей резко поворачивали к западу.

– Теперь уже скоро, – пробормотал Редвальд.

Слова выдавали волнение, и я сделал вид, что не услышал. Я тоже нервничал, но старался не подавать виду – пытался представить, как держался бы мой отец. Он сидел бы ссутулившись в седле, угрюмый и неподвижный, вот и я тоже сгорбился и неотрывно вглядывался в долину. И коснулся рукояти меча.

Я назвал меч Клюв Ворона. Наверное, раньше у него было другое имя, ведь он принадлежал Зигурду Торрсону, и тот его именовал по-своему, только я не знаю как. Сначала я думал, что Ульфбертом, потому как это странное имя было выгравировано крупными буквами на лезвии. Выглядело оно вот так:

†VLFBERH†

Но Финан, друг моего отца, объяснил, что Ульфбертом звали франкского кузнеца, выковавшего меч, и что этот мастер делал лучшие и самые дорогие клинки во всем христианском мире. Да и само оружие было христианским, ведь Ульфберт поставил кресты в начале и внутри своего имени. Я спросил у Финана, как найти Ульфберта и заказать ему еще такие мечи, но ирландец ответил, что мастер-волшебник работает в тайне. Закроет какой-нибудь кузнец свою кузницу на ночь, а наутро возвращается и обнаруживает, что там похозяйничал Ульфберт и оставил клинок, выкованный в пламени ада и закаленный в драконьей крови. Я назвал его

Клюв Ворона, потому как на знамени Зигурда был изображен ворон. Именно этот меч держал Зигурд, когда сражался со мной, а мой сакс¹ вспорол ему брюхо. Я хорошо запомнил тот удар: и как поддалась вдруг добротная кольчуга, и выражение глаз ярла, когда он понял, что умирает, и восторг, с которым я потянул сакс вбок, потроша врага. Случилось это годом ранее в битве при Теотанхеле, когда мы выманили данов из сердца Мерсии. В той самой битве, где отец сразил Кнута Ранулфсона, но сам был ранен мечом Кнута, Ледяной Злостью.

Клюв Ворона был хорошим мечом, наверное даже лучше Вздоха Змея, клинка моего отца. Лезвие у него было длинное, но легкое, и другие клинки ломались при встрече с его остротой. Это был меч воина, и в тот день, когда мы ждали на поросшем лесом склоне над долиной с быстро бегущим ручьем, он висел у меня на боку. Помимо Клюва Ворона, при мне был мой сакс Аттор. Аттор означает «яд». Это короткий меч, удобный для работы в тесном строю «стены щитов». Он жалит, и именно его укус убил Зигурда. Еще я держал круглый щит с нарисованной на нем волчьей мордой, эмблемой нашего рода. На гребне моего шлема тоже красовалась голова волка, поверх камзола из кожи струилась франкская кольчуга, а все это укрывал плащ из медвежьей шкуры. Я – Утред Утредсон, законный владелец Беббанбурга, и я волновался в тот день.

¹ Сакс – короткий меч.

За мной шел военный отряд. Мне исполнился всего двадцать один, и некоторые из воинов у меня за спиной были вдвое старше меня и во много раз опытнее, но я был сыном Утреда, лорда, и потому командовал. Большинство из наших держались в глубине чащи, рядом со мной располагались только Редвальд и Ситрик. Оба были зрелые воины, и их послали давать мне советы или, точнее, удерживать от опрометчивых поступков. Ситрика я знал с колыбели, отец доверял ему, тогда как Редвальд состоял на службе у леди Этельфлэд.

– Может, они и не придут, – пробормотал Редвальд.

Это был надежный парень, бдительный и осторожный, и я подозревал, что ему хотелось избежать боя.

– Придут, – буркнул Ситрик.

И они пришли – спешащий с севера отряд конных со щитами, копьями, секирами и мечами. Норманны. Я склонился в седле, стараясь пересчитать всадников, рысивших вдоль потока. Три судовые команды? Не меньше сотни воинов, и среди них Хаки Гримсон. По крайней мере, знамя его корабля было здесь.

– Сто двадцать, – объявил Ситрик.

– Больше, – отозвался Редвальд.

– Сто двадцать, – спокойно стоял на своем Ситрик.

Сто двадцать конников в погоне за шестьюдесятью пятью, миновавшими долину несколько минут назад. Сто двадцать воинов под штандартом Хаки Гримсона. Изначально

на штандарте был изображен красный корабль среди белого моря, но красная краска выцвела до коричневой и местами поплыла, так что казалось, будто корабль с высокими штевнями истекает кровью. Знаменосец скакал за верзилой на могучей вороной лошади, и я предположил, что верзила и есть Хаки. То был норманн, осевший в Ирландии, а оттуда перебравшийся в Британию. Он занял землю к северу от реки Мэрс и решил обогатиться набегами на юг, на Мерсию. Ярл брал рабов, скот, добро, даже подступил к римским стенам Сестера, хотя гарнизон леди Этельфлэд без труда отразил атаку. Короче говоря, Хаки всем встал поперек горла, вот почему мы находились к северу от Мэрса, прятались среди голых деревьев и наблюдали, как его шайка идет на рысях на юг по прихваченной морозцем тропе вдоль ручья.

– Нам следует... – начал Редвальд.

– Рано, – оборвал я его и коснулся Клюва Ворона: проверил, легко ли выходит он из ножен.

– Рано, – согласился Ситрик.

– Годрик! – позвал я, и мой слуга, двенадцатилетний парнишка Годрик Гриндансон, сорвался с места, где ждали остальные воины. – Копье!

– Господин! – откликнулся он, вручая мне девятифутовое ясеневое древко с тяжелым железным острием.

– Ты скачешь позади нас, – велел я Годрику. – На изрядном расстоянии. Рог при тебе?

– Да, господин. – Он приподнял рог, показывая мне.

Звук рога должен был призвать на помощь шестьдесят пять всадников, если что-то пойдет не так. Однако я сомневался, что от них будет большой прок, если свирепые конники Хаки накинута на мой крошечный отряд.

– Если они спешатся, – обратился к парнишке Ситрик, – ты сможешь угнать их лошадей.

– Я должен оставаться при... – начал было Годрик, явно намекая на свое место рядом со мной и тем самым на участие в бою, но Ситрик ударил его по лицу тыльной стороной ладони.

– Поможешь угнать лошадей! – отрезал Ситрик.

– Да, господин.

Из разбитой губы мальчика сочилась кровь.

Ситрик выдвинул меч из ножен. Подростком он и сам состоял слугой при моем отце и наверняка сгорал от нетерпения сражаться бок о бок со взрослыми, однако нет для мальчишки более короткого пути к смерти, чем оказаться в схватке с закаленными в бою норманнами.

– Мы готовы?

Ситрик согласно кивнул мне.

– Идем и перебьем ублюдков! – рыкнул я.

Шайка Хаки повернула на запад и скрылась из глаз. Она следовала вдоль ручья, впадавшему в приток Мэрса милях в двух от того места, где долина резко поворачивала к западу. В месте слияния двух потоков имелся невысокий холм, скорее, продолговатое, поросшее травой возвышение, похожее

на курганы, которые древние оставили по всей стране. Именно тут Хаки предстояло умереть или потерпеть поражение, что в итоге означало одно и то же.

Пришпорив коней, мы спустились с холма, хотя я не гнал, чтобы кто-нибудь из людей Хаки, оглянувшись, не заметил нас. Мы достигли ручья и повернули к югу. Ехали неспешно, на деле я даже придержал отряд, выслав Ситрика вперед в качестве разведчика. Я видел, как он спешился и подыскал место, с которого мог обозревать западную сторону. Ситрик присел и вскинул руку, предупреждая нас, и лишь некоторое время спустя бегом вернулся к лошади и махнул нам. Когда мы подъехали, он ухмылялся.

– Норманны остановились чуть дальше в долине, – сообщил разведчик, шепелявя, поскольку в битве при Теотанхеле копьё дана вышибло ему передние зубы. – И навесили на руку щиты.

Когда всадники скакали мимо нас, их щиты болтались за спиной, но в устье долины Хаки определенно ожидал неприятностей, поэтому заблаговременно изготовился к бою. Да и наши щиты уже висели у нас на руках.

– Они спешатся, когда достигнут конца долины, – заметил я.

– И построят «стену щитов», – добавил Ситрик.

– Так что спешить некуда, – закончил я его мысль и усмехнулся.

– Норманны могут поторопиться, – предположил Ред-

вальд. Он боялся, что драка начнется без нас.

– Шестьдесят пять саксов поджидают их, – сказал я, мотнув головой. – Людей у Хаки больше, но он все равно будет осторожничать.

У норманна окажется почти двойной перевес над противостоящими ему саксами, но саксы эти занимают позицию на холме и уже приготовили «стену щитов». Хаки придется спешить отряд на изрядном расстоянии, чтобы не подвергнуться атаке в момент, пока он строит свою «стену». Только закончив ее и отведя в безопасное место коней, Ярл сможет двинуться вперед, и продвижение его будет медленным. Требуется недюжинная отвага, чтобы сражаться в «стене щитов», когда ты ощущаешь дыхание противника, а клинки рубят и колют. Хаки будет наступать неспешно, полагаясь на численный перевес, и осторожно, на случай если саксы устроили западню. Ярл не может позволить себе терять людей. Даже считая, что победа в схватке у него в руках, он все равно не утратит бдительности.

Ирландские норманны валом обрушились на Британию. Финан, соратник моего отца, говорит, что ирландские племена выказали себя слишком упорным неприятелем и прижали северян к восточному побережью Ирландии. По эту же сторону моря отрезок к северу от Мэрса и к югу от шотландских границ представлял собой дикие, неукрошенные земли, потому корабли викингов рассекали волны, доставляя поселенцев в долины Кумбраланда. Формально Кумбраланд при-

надлежал Нортумбрии, но король данов в Эофервике встречал пришельцев с расprostертыми объятиями. Данов страшило растущее могущество саксов, а ирландские норманны, эти свирепые бойцы, могли помочь в обороне принадлежащей данам страны. Хаки был всего лишь последним из прибывших и собирался разжиться за счет Мерсии, и вот почему нас отрядили уничтожить его.

– Помните! – обратился я к своим. – Выжить из них должен только один!

Всегда оставляй одного в живых, советовал мне отец. Пусть этот единственный несет в родные края пугающие вести. Я подозревал, впрочем, что все мужчины Хаки здесь и уцелевшему предстоит сообщить весть о поражении лишь вдовам и сиротам. Священники учат нас любить своих врагов, но не выказывать к ним жалости, да Хаки одной и не заслуживал. Он совершил набег на окрестности Сестера. Тамошний гарнизон, достаточный для обороны стен, но слишком слабый, чтобы одновременно выслать ударный отряд за Мэрс, запросил подкрепления. Подкрепление пришло в нашем лице, и вот теперь мы скакали на запад вдоль ручья, который становился шире, но мельче и уже не спешил, перекачиваясь через камни. Невысокий ольшаник стал гуще, голые ветви деревьев склонялись к востоку под напором постоянно дующего со стороны моря ветра. Мы миновали сожженную ферму, от которой не осталось ничего, кроме обугленных камней очага. Это было самое южное из владений Ха-

ки и первое, на которое мы напали. За две недели, прошедшие после нашего прихода к Сестеру, мы спалили с дюжину его поселений, угнали десятки голов скота, перебили немало мужчин, а детей захватили в рабство. Теперь ярл воображал, что загнал нас в ловушку.

От размашистого хода скакуна висевший у меня на шее тяжелый золотой крест бился о грудь. Я посмотрел на юг, где солнце неярким серебристым диском просвечивало сквозь затянувшую небо пелену, и вознес про себя молитву Одину. Я наполовину язычник, может быть меньше чем наполовину, но известно, что даже мой отец обращался подчас к христианскому Богу. «Богов много, – частенько говаривал мне он. – Никогда не знаешь, какой из них не дремлет, потому молись всем».

Вот я и молился Одину. «Я одной с тобой крови, – твердил я, – поэтому защити меня!» Бог сошел на землю и переспал со смертной девушкой, но это случилось задолго до того, как наш народ перебрался через море, чтобы захватить Британию. «Не спал он с девчонкой, – звучал у меня в ушах под стук копыт язвительный голос отца. – Он здорово трахнул ее, а от такого не уснешь». Меня всегда удивляло, почему боги не спускаются больше на землю. Это сильно укрепило бы веру в них.

– Не так быстро! – воскликнул Ситрик.

Я выбросил из головы богов, развлекающихся с девушками, и увидел, как трое из наших юнцов вырвались вперед.

– Придержи! – рявкнул Ситрик, потом усмехнулся мне: – Уже близко, господин.

– Надо бы выслать разведчика, – посоветовал Редвальд.

– Еще довольно далеко, – ответил я. – Вперед!

Я знал, что Хаки спешится, чтобы атаковать поджидающую его «стену щитов». Кони на оцетинившийся копьями строй не пойдут, отпрянут, поэтому воинам ярла придется в пешем строю напасть на саксов, расположившихся на пологой возвышенности. Но мы-то ударим ему в тыл, и тут лошади не испугаются, потому как сзади «стена щитов» вовсе не такая неприступная. Передняя шеренга – это сомкнутые щиты и сверкающее оружие, задняя шеренга – место, откуда начинается паника.

Мы забрали немного к северу, огибая выступ холма, и увидели их. Косые лучи солнца, пробившиеся сквозь брешь в пелене облаков, освещали христианские знамена на вершине и играли на обнаженных клинках. Шестьдесят пять человек, всего шестьдесят пять: тесно сбитая стена в две шеренги на гребне возвышенности, под сенью полотнищ с крестами. Между ними и нами находилась «стена щитов» Хаки, не закончившая пока построение, а еще чуть ближе к нам и правее переминались лошади под охраной мальчишек.

– Редвальд! – бросил я. – Отряди троих угнать табун!

– Да, господин, – кивнул он.

– Годрик, ты идешь с ними! – велел я слуге, затем перехватил тяжелое ясеневое древко копья.

Норманны до сих пор не заметили нас. Все, что они видели, – это шайка мерсийцев, вторгшихся вглубь территории Хаки. Северяне гнались за наглецами и собирались перебить всех до единого, но вскоре им предстоит узнать, что их самих заманили в ловушку.

– Руби их! – рявкнул я и ударил коня шпорами.

Руби их. Вот о чем слагают песни поэты. Вечерами в усадьбах, когда дым очага густо стелется под балками, рога полны элем, а арфист рвет струны, звучат песни о битвах. Это сказы о нашей семье, о нашем народе, о том, как мы помним прошлое. Поэт у нас называется скопом, а скоп – это человек, который умеет придавать форму вещам. Поэт придает форму минувшему, и так мы помним о доблести наших предков, о том, как они добывали нам землю, женщин, скот и славу. Норвежцы не сложат песен о Хаки, потому что это будет сакская песнь о нашей победе.

И мы пошли в атаку. Копье в руке, щит прижат к туловищу, Хердинг, мой конь, этот отважный скакун, молотит землю тяжелыми копытами. Справа и слева от меня летят галопом лошади, вперед выставлены острия, пар вырывается из конских ноздрей. Враг в изумлении оборачивается, и воины в задних шеренгах «стены щитов» не знают, что делать. Кто-то бежит к коням, другие пытаются выстроить стену, обращенную к нам. Я вижу бреши и понимаю, что норманны уже покойники. Позади них саксы садятся в седла, но начать бойню предстоит нам.

И мы начали.

Я нацелился на высокого чернобородого мужчину в дорожной кольчуге и шлеме с плюмажем из орлиных перьев. Он орал, видимо призывая своих сомкнуть щиты с его щитом, на котором был изображен орел с распростертыми крыльями. Потом бородатый перехватил мой взгляд, прочитал в нем свою судьбу, укрылся за орлиным щитом и занес меч. Я понял, что норманн собирается ударить Хердинга в надежде ослепить его или выбить зубы. Всегда бей в коня, а не во всадника. Нанеси коню рану или убей, и всадник превратится в добычу. «Стена щитов» рассыпалась, распадалась в страхе. Командиры пытались остановить беглецов. Я изготовил копье, потом тронул Хердинга левым коленом, и он обогнул чернобородого, который взмахнул оружием. Меч скользнул по груди Хердинга, нанеся глубокий порез, из которого полилась кровь, но то был не смертоносный удар, не валяющая с ног рана. Мое копье пробило щит врага, разметав в щепы ивовые доски, и погрузилось в кольчугу. Я ощутил, как острие проламывает грудную клетку, выпустил древко, выхватил Клюв Ворона и развернул жеребца, чтобы рубануть по хребту другого противника. Выкованный колдуном клинок рассек кольчугу, словно та была из древесной коры. Хердинг вклинился между двумя воинами, повалив обоих наземь. Мы снова развернулись, а поле боя вокруг представляло собой хаос, полный перепуганных пехотинцев, которых догоняли и резали всадники. С холма примчались еще кон-

ные, и весь наш отряд кричал и убивал, а наверху реяли наши флаги.

– Мереваль! – взметнулся высокий крик. – Останови лошадей!

Горстка норманнов успела добежать до коней, но Мереваль – закаленный воин, разберется с ними. Хаки был все еще жив, его окружали тридцать или сорок дружинников, образовавших кольцо щитов вокруг господина. Этим людям оставалось стоять и смотреть, как режут их товарищей. Но гибли и наши. Я заметил трех лошадей с пустыми седлами и одну умирающую, которая молотила копытами, лежа в луже крови. Я повернул туда и срубил человека, с трудом поднявшегося на ноги. Он был оглушен, и я оглушил его еще сильнее, угодив мечом по шлему и снова сбив с ног. Слева от меня взревел норманн, вскинув двуручную секиру. Хердинг, гибкий как кошка, увернулся, и топор лишь скользнул по моему щиту. Мы с конем развернулись, снова полоснул Клюв Ворона, и брызнула кровь. Я орал в возбуждении, выкрикивал свое имя, чтобы мертвые знали, кто отправил их в ад.

Я дал шпоры, держа меч низко и высматривая белую кобылу по кличке Гаст. Она обнаружилась шагах в пятидесяти или шестидесяти. Ее наездник, с клинком в руке, спешил к остаткам отряда Хаки, но три другие лошади преградили Гаст тропу, заставив свернуть. Потом я забыл про Гаст – противник обрушил на меня меч. Норманн потерял шлем, по-

ловина его лица была залита кровью. Она сочилась также из раны на поясе, но лицо его было суровым, закаленным в битвах, а удар сопровождался могучим боевым кличем. Я выбросил навстречу Клюв Ворона, и клинок врага разломился пополам, причем верхний конец вонзился в луку моего седла и застрял в ней. Нижняя половина распорола мой правый сапог. Противник пошатнулся, а у меня по ноге заструилась кровь. Я опустил Клюв Ворона, дробя ему череп, и поехал дальше. На глаза мне попался спешившийся Гербрухт, который кромсал секирой мертвого или почти мертвого северянина. Он уже выпотрошил несчастного, а теперь явно намеревался отделить кости от плоти и яростно вскрикивал, круша тяжелым лезвием мешанину из мяса, крови, рваной кольчуги и расщепленных костей, втоптывая все это в траву.

– Что ты делаешь?! – рявкнул я.

– Он меня жирным обозвал! – крикнул в ответ фриз, присоединившийся к нашей дружине этой зимой. – Этот ублюдок назвал меня жирным!

– Ты и есть жирный, – совершенно справедливо заметил я.

Живот у Гербрухта был как у борова, ноги толщиной с дерево, а под щетиной прятался тройной подбородок, но при этом он обладал жуткой силищей. Ужасный противник на поле боя и надежный сосед в «стене щитов».

– Теперь уже больше не обзовет! – фыркнул фриз и погрузил секиру в череп покойника, расколов лицевую часть и обнажив мозг. – Тощий мерзавец!

– Ты чересчур много ешь, – сказал я.

– Я постоянно голоден, вот и ем.

Я развернул коня и увидел, что бой закончился. Хаки и его щитоносцы еще сражались, но были окружены и слишком малочисленны. Саксы спешили, чтобы добить раненых и снять с убитых кольчуги, оружие, золото и серебро. Как и все северяне, эти воины носили браслеты, доказывающие их подвиги. Все добытые браслеты, а также фибулы, накладки с ножен и шейные цепи мы сваливали на изрезанный мечом, заляпанный кровью плащ. Я надел браслет, снятый с трупа чернобородого, на левую руку, добавив к прочим. Он был из золота, с угловатыми письменами, какие в ходу у норманнов.

Ситрик ухмылялся.

– Единственный уцелевший, господин, – сообщил он, указывая на перепуганного парня, почти уже мужчину.

Я кивнул:

– Подойдет. Отруби ему правую руку и дай коня. И пусть уезжает.

Хаки наблюдал за нами. Я подъехал к уцелевшим норманнам поближе и устался на ярла. Это был коренастый мужчина со шрамом на лице и каштановой бородой. Он потерял в схватке шлем, и на косматых волосах темнела кровь. Уши у него оттопыривались, как ручки у кувшина. Он с вызовом смотрел на меня. На покрытой кольчугой груди висел золотой молот Тора. Вокруг ярла я насчитал двадцать семь бой-

цов. Они образовали тесный круг, выставив щиты.

– Стань христианином, – обратился я к нему по-датски. – И быть может, останешься жить.

Хаки меня понял, хотя едва ли владел этим языком. Он рассмеялся в ответ на мое предложение, потом сплюнул. Я и сам не был уверен, говорю ли правду, хотя нередко врагов щадили, если они соглашались креститься. Решающее слово принадлежало не мне, а человеку на высокой белой кобыле по кличке Гаст. Я повернулся к кольцу всадников, окружавших северян. Всадник на белой лошади посмотрел сквозь меня:

– Хаки брать живым, остальных убить.

Это не заняло много времени. Большинство из храбрейших норманнов уже полегло, и при Хаки находилась лишь горстка опытных воинов, остальные были слишком юны. Многие из них кричали, что готовы сдаться, но их рубили. Я наблюдал. Атаку возглавлял Мереваль, добрый дружинник, ушедший от Этельреда на службу к Этельфлэд. Именно Мереваль вытащил Хаки из кровавой кучи, отобрал у него меч и щит и заставил встать на колени перед белой лошадыю.

Хаки поднял глаза. Солнце низко стояло на западе, за спиной у всадника Гаст, и слепило ярла, но тот ощущал ненависть и презрение, которые изливаются на него. Он двинул головой так, чтобы та оказалась в тени конника, и теперь, вероятно, видел франкскую кольчугу, отполированную песком так, что кольца горели, будто сделанные из серебра. Видел

белый шерстяной плащ, окаймленный шелковистым зимним мехом горносталя. Видел высокие сапоги с белой шнуровкой, длинные ножны, окованные серебром. А если бы дерзнул посмотреть выше, наткнулся бы на холодные голубые глаза на суровом лице, обрамленном золотистыми волосами, выбивающимися из-под отполированного под стать кольчуге шлема. Вокруг шлема шла серебряная полоса, а гребень венчал серебряный крест.

– Снимите с него кольчугу, – распорядился всадник в белом на белой лошади.

– Да, госпожа, – отозвался Мереваль.

То была леди Этельфлэд, дочь Альфреда, бывшего некогда королем Уэссекса. Она была замужем за Этельредом, повелителем Мерсии, но все в Уэссексе и Мерсии знали, что уже много лет ее любовником является мой отец. Это Этельфлэд привела свою дружину на север, на подмогу гарнизону Сестера, и именно Этельфлэд измыслила ловушку, в результате которой Хаки стоял теперь на коленях перед ее конем.

– Ты выказал себя молодцом, – почти нехотя бросила она мне.

– Спасибо, госпожа.

– Доставишь его на юг, – велела она, кивнув на Хаки. – Он умрет в Глевекестре.

Мне такое решение показалось странным. Почему не прикончить его здесь, на пожухлой после зимы траве?

– Ты не вернешься на юг, моя госпожа? – осведомился я.

Было ясно, что она сочла вопрос дерзким, но все же ответила:

– У меня тут много дел. Его повезешь ты. – Рука в перчатке вскинулась, прервав мою попытку развернуться. – Постарайся прибыть на место до наступления Дня святого Кутберта. Слышишь?

Я поклонился. Затем мы связали Хаки руки за спиной, усадили на лошадь поплоше и отправились в Сестер, хотя и не успевали добраться туда до наступления темноты. Трупы норманнов мы бросили на поле боя, на корм воронам, но своих убитых, которых оказалось пятеро, забрали с собой. Забрали захваченное знамя Хаки и всех коней неприятеля, навьючив их добытым оружием, кольчугами, одеждой и щитами.

Мы возвращались победителями под штандартом Этельреда с изображением белой лошади, стягом святого Освальда и причудливым флагом Этельфлэд с белым гусем, держащим меч и крест. Гусь являлся символом Вербурх, святой, чудесным образом избавившей ниву от разоряющих ее гусей, хотя я и не мог понять, почему поступок, который способна совершить любая десятилетняя девчонка с громким голосом, сочли чудом. Даже колченогая собака могла прогнать птиц с поля, но я никогда не дерзал высказывать свое мнение при Этельфлэд, глубоко почитавшей внушившую гусям страх святую.

Сестерскую крепость возвели римляне, поэтому укрепле-

ния ее были из камня – не как у бургов, что строим мы, саксы, со стенами из земли и бревен. Въезд в город защищали ворота и надвратная боевая площадка, а толстые стены крепости образовывали освещенный факелами туннель. Миновав его, мы оказались на главной улице, которая прямо, как стрела, шла между высокими каменными зданиями. Стук копыт эхом отражался от стен домов, потом в честь возвращения Этельфлэд зазвонили колокола церкви Святого Петра.

Прежде чем собраться в главном доме, расположенном в центре Сестера, Этельфлэд с большинством дружинников отправилась в храм, вознести благодарение за победу. Мы с Ситриком поместили Хаки в крошечную каменную хижину, оставив руки связанными на ночь.

– У меня есть золото, – сказал ярл на датском.

– У тебя есть солома для подстилки и моча вместо эля, – ответил Ситрик, после чего мы заперли дверь и оставили двоих парней сторожить пленника.

– Выходит, едем в Глевекестр? – спросил меня Ситрик.

– Так она сказала.

– Ты должен быть доволен.

– Я?

– Та рыженькая из «Снопа»! – Мой спутник расплылся в щербатой ухмылке.

– Одна из многих, Ситрик! – беззаботно воскликнул я. – Одна из многих!

– И та девчонка с фермы близ Сирренкастра, – добавил он.

– Она вдова, – заявил я настолько серьезно, насколько сумел. – А как мне известно, наш христианский долг – защищать вдов.

– Ты это защитой называешь? – расхохотался Ситрик. – Жениться на ней собираешься?

– Нет, конечно. Женюсь я на землях.

– Под венец тебе надо. Сколько тебе лет?

– Двадцать один, кажется.

– Значит, давно уже пора было жениться, – бросил он. – Как насчет Эльфинн?

– А что с ней?

– Славная кобылка, – хмыкнул Ситрик. – И осмелюсь предположить, скакать умеет будь здоров.

С этими словами он толкнул тяжелую дверь, и мы вошли в большой зал. Он освещался сальными свечами и жарким пламенем, пылающим в каменном очаге грубой работы, устроенном в римском полу. Столов для воинов гарнизона и тех, которых привела на север Этельфлэд, не хватало, так что часть сидела на корточках, но мне отвели место за высоким столом рядом с Этельфлэд. По бокам от нее восседали двое священников, один из которых, прежде чем мы приступили к трапезе, прочитал длинную молитву на латыни.

Этельфлэд я побаивался. Лицо у нее суровое, хотя люди говорили, что в молодости она была красавицей. В том, де-

вятьсот одиннадцатом году ей было лет сорок, если не больше, и в золотых волосах появились седые пряди. От холодно-го и задумчивого взгляда удивительно синих глаз дрожь пробежала даже у самых отважных из мужчин. Словно она читала твои мысли и презирала их. Не я один страшился Этельфлэд. Ее собственная дочь Эльфинн и та сторонилась матери. Мне нравилась Эльфинн, вечная хохотушка и озорница. Она была моложе меня, мы росли вместе, и многие полагали, что нам следует пожениться. Не знаю, считала ли Этельфлэд это хорошей идеей. Она вроде как недолюбливала меня, хотя дочь Альфреда питала это чувство к большинству людей. Вопреки холодности в Мерсии ее обожали. Этельреда все принимали как правителя Мерсии, но любил народ ненавистную ему жену.

– Глелекестр... – обратилась она ко мне.

– Да, госпожа.

– Заберешь с собой добычу. Всю. Используй повозки. И возьми пленников.

– Да, госпожа.

Большинство пленных составляли дети, захваченные в имениях Хаки в первые дни нашего набега. Их предстояло продать в рабство.

– Ты должен успеть до Дня святого Кутберта, – повторила Этельфлэд приказ. – Понял?

– До Дня святого Кутберта, – покорно подтвердил я.

Она устремила на меня долгий, пристальный взгляд. Свя-

щенники у нее по бокам тоже пялились на меня, и тоже враждебно.

– И ты заберешь Хаки, – продолжила правительница.

– Хаки тоже, – согласился я.

– И повесишь его перед усадьбой моего мужа.

– Прodelай это медленно, – добавил один из священников. Существует два способа вздернуть человека: быстрый и медленный, мучительный.

– Да, отец, – кивнул я.

– Но сначала покажи его людям, – распорядилась Этельфлэд.

– Хорошо, госпожа, разумеется, – ответил я, но потом замялся.

– Что такое? – Она заметила мою нерешительность.

– Госпожа, народ захочет знать, почему ты задержалась здесь.

Она вскинулась, второй священник нахмурил лоб.

– Это не их дело... – начал он.

Этельфлэд знаком велела ему замолчать.

– Множество норманнов покидает Ирландию, – осторожно промолвила правительница. – И намеревается осесть тут. Их следует остановить.

– Разгром Хаки вселит в них страх, – напомнил я.

Она пропустила мою неуклюжую лесть мимо ушей.

– Сестер не дает им воспользоваться рекой Ди, – продолжила Этельфлэд. – Но Мэрс открыт. Я хочу построить бург

на его берегу.

– Удачная мысль, госпожа, – пробормотал я и удостоился взора, полного такого презрения, что залился краской.

Взмахом руки она отпустила меня, и я вернулся к жаркому из баранины. Я наблюдал за Этельфлэд краем глаза, видел твердую линию челюсти, желчно сжатые губы и задавал себе вопрос: как, во имя Господне, удалось ей привлечь моего отца и заставить людей боготворить ее?

Ну да ладно – завтра я буду далеко от нее.

* * *

– Люди следуют за ней, потому что, не считая твоего отца, она единственная, кто хочет сражаться, – растолковывал мне Ситрик.

Мы ехали на юг по дороге, которая стала мне привычной за последние годы. Дорога проходила по границе Мерсии и Уэльса, служившей постоянным источником раздора между валлийскими государствами и мерсийцами. Валлийцы, разумеется, были нашими врагами, но они тоже являлись христианами, и нам никогда не удалось бы победить при Теотанхеле без помощи валлийских единоверцев. Временами они сражались за Христа, как это было при Теотанхеле, но столь же часто брались за оружие ради добычи, угоняя в свои горные долины скот и рабов. Результатом этих постоянных набегов стали выстроенные вдоль всей дороги бурги – укреп-

ленные города, где народ искал убежища в случае появления неприятеля и откуда гарнизон мог нанести ответный удар.

Со мной ехали тридцать шесть дружинников и Годрик, мой слуга. Четверо воинов рассыпались дозором впереди, осматривая путь на предмет засады, остальные охраняли Хаки и две повозки, груженные добром. Еще мы стерегли восемнадцать детей, предназначенных для продажи на невольничьих рынках, но Этельфлэд настаивала, чтобы сначала мы показали их народу в Глевекестре.

– Зрелище хочет устроить, – сказал мне Ситрик.

– Верно! – согласился отец Фраомар. – Так мы покажем жителям Глевекестра, что одержали победу над отвергающими Христа.

Фраомар был одним из карманных попов Этельфлэд – человек еще молодой, ревностный и рьяный.

– Продадим это вот, – кивнул он в сторону катящейся перед нами повозки с доспехами и оружием, – и пустим деньги на новый бург, хвала Господу.

– Хвала Господу, – покорно подхватил я.

Деньги – головная боль Этельфлэд. Для строительства нового бурга, охраняющего Мэрс, требовались деньги, а их постоянно не хватало. Рента с земли, подати с торговцев и пошлины шли в доход ее мужу, а Этельред терпеть не мог Этельфлэд. Ее любили в Мерсии, но серебром распорядился Этельред, и никто не хотел ссориться с ним. Даже сейчас, когда он лежал на одре болезни в Глевекестре, ему приносили

клятвы верности. Только самые отважные и богатые, рискуя вызвать его гнев, давали Этельфлэд воинов и серебро.

Этельред умирал. В битве при Теотанхеле ему достался удар копьем в тыльную часть головы. Острие пробило шлем и проломило череп. Никто не ждал, что Этельред выкарабкается, но он выжил, хотя, если верить слухам, был едва ли лучше мертвого: бесновался как сумасшедший, брызгал слюной и дергался, а подчас выл, как пойманный волк. Вся Мерсия ждала его смерти, и вся Мерсия гадала, что последует за ней. На эту тему не говорили, по крайней мере открыто, но втайне шушукались только об этом.

И вот, к моему удивлению, отец Фраомар поднял ее в первый же вечер. Обремененные повозками и пленниками, двигались мы медленно. На ночевку остановились на ферме близ Вестуна, в недавно обжитой части Мерсии, ставшей безопасной благодаря бургу в Сестере. Ферма некогда принадлежала дану, но теперь там поселился одноглазый мерсиец с женой, четырьмя сыновьями и шестью рабами. Дом его представлял собой хибару из земли, дерева и соломы, скот ютился в убогом загоне из дырявого плетня, зато всю усадьбу окружал добротный частокол из дубовых бревен.

– Валлийцы всегда поблизости, – объяснил хозяин наличие дорогого укрепления.

– Ты не сможешь оборонять его с шестью рабами, – заметил я.

– Соседи подойдут, – пояснил он.

– И строить они помогали?

– Да.

Мы связали Хаки лодыжки, проверили, крепко ли затянуты узлы на запястьях, потом примотали его к брошенному близ навозной кучи плугу. Толпу из восемнадцати ребятшек загнали в дом, оставив двоих караулить эту ораву, прочие же разместились как могли на усеянном коровьими лепешками дворе. Разожгли костер. Гербрухт ел от души, набивая пузо размером с бочонок, а Редбад, еще один фриз, наигрывал на свирели песни. Печальные мелодии наполняли ночь грустью. Искры взлетали к небу. Немного ранее прошел дождь, но теперь облака снесло и показались звезды. Я заметил, что некоторые искры падают на крышу хибары, и встревожился, как бы кровля не занялась, но покрытая мхом солома насквозь пропиталась влагой, и искры быстро гасли.

– Нуннаминстер, – произнес вдруг отец Фраомар.

– Нуннаминстер? – переспросил я удивленно.

Священник тоже наблюдал, как блуждающие огоньки меркнут и умирают на крыше.

– Это монастырь в Винтанкестере, где почила госпожа Эльсвит, – пояснил он, хотя мне это мало помогло.

– Жена короля Альфреда?

– Да упокоит Господь ее душу, – пробормотал поп и перекрестился. – После смерти государя она выстроила монастырь.

– И что с того? – по-прежнему недоумевая, спросил я.

– Часть обители сгорела после ее смерти, – продолжил Фраомар. – Это случилось по вине искр, попавших на соломенную крышу.

– Здешняя кровля слишком сырая, – возразил я, кивнув в сторону дома.

– Разумеется. – Священник смотрел, как огоньки ложатся на солому. – В народе болтают, что тот пожар был мстью дьявола. – Он снова осенил себя крестом. – Госпожа Эльсвит очень благочестива, потому и спаслась.

– Отец рассказывал, что это была сварливая ведьма, – осмелился ввернуть я.

Отец Фраомар нахмурился, потом смягчился:

– Упокой Господь ее душу. – Он сухо улыбнулся. – Я слышал, что уживаться с этой женщиной было непросто.

– А с какой легко? – вклинился в разговор Ситрик.

– Госпожа Этельфлэд не согласится, – мягко продолжил Фраомар.

Я замялся, потому как мы коснулись опасной темы.

– На что не согласится? – уточнил я наконец.

– Уйти в монастырь.

– Это обязательно?

– А как иначе? – уныло отозвался Фраомар. – Муж умирает, она становится вдовой, причем вдовой с имуществом и властью. Люди выступят против нового брака – ее супруг получил бы слишком много власти и силы. Кроме того... – Тут священник осекся.

– Что – кроме? – негромко вмешался Ситрик.

– Господин Этельред, да спасет его Господь, оставил завещание.

– И в этом завещании сказано, что его жена должна уйти в монастырь? – процедил я.

– Что еще ей делать? – Фраомар пожал плечами. – Таков обычай.

– Не могу представить ее в роли монахини, – заметил я.

– О, это святая женщина, добрая! – с жаром воскликнул поп, потом вспомнил, что она повинна в прелюбодеянии. – Не совершенная, конечно, но кто из нас без изъяна? Все мы грешны.

– А как же ее дочь, Эльфинн? – вырвалось у меня.

– Э, глупая девчонка, – отмахнулся Фраомар.

– Но если кто-то женится на ней... – начал я, но был прерван.

– Эльфинн – женщина! Она не вправе унаследовать власть отца! – Священник рассмеялся от одной мысли об этом. – Нет, для Эльфинн лучше всего выйти замуж за иноземца. Уехать куда подальше. Быть может, стать женой какого-нибудь франкского лорда? Или присоединиться к матери в стенах обители.

Разговор принял опасный оборот, потому как никто не знал наверняка, что произойдет после смерти Этельреда, а кончина его определенно скоро наступит. Короля в Мерсии не было, но и в качестве мерсийского лорда Этельред

имел практически королевскую власть. Ему, конечно, хотелось зваться королем, но отстоять собственные границы он мог только при помощи западных саксов, а те не желали наличия в Мерсии независимого государя, а точнее, предпочли бы видеть на ее троне своего собственного короля. Да, хотя Мерсия и Уэссекс являлись союзниками, особой приязни между ними не наблюдалось. Мерсийцы гордились прошлым, а теперь стали вассальным государством, и стоит Эдуарду Уэссекскому заявить права на Мерсию, будет бунт. Никто не знал, что нас ждет и кого поддерживать. Принести клятву верности Уэссексу или одному из мерсийских олдерменов?

– Какая жалость, что у Этельреда нет наследника, – проворкотал отец Фраомар.

– Законного наследника, – уточнил я, и, к моему удивлению, священник рассмеялся.

– Законного, – согласился он, затем перекрестился и добавил благочестиво: – Господь все устроит.

На следующее утро небо затянули грозовые тучи, наползшие с валлийских гор. Ближе к полудню начался дождь и поливал все время, пока мы медленно тащились к югу. Дорогу, которой мы следовали, построили римляне, и всякий раз мы останавливались на ночлег на развалинах римских фортов. Шайки грабителей-валлийцев не попадались, а битва при Теотанхеле гарантировала то, что никакие даны не осмелятся сунуть нос так далеко на юг.

Дождь и пленники замедлили наше продвижение, но в итоге мы добрались до Глевекестра, столицы Мерсии. Прибыли за два дня до праздника святого Кутберта, но, лишь оказавшись в городе, я понял, почему Этельфлэд придавала этой дате такое значение. Отец Фраомар поспешил вперед с вестью о нашем приезде. Нас встретил звон колоколов, а у ворот собралась небольшая толпа. Я велел развернуть знамена: мою собственную волчью голову, стяг святого Освальда, белую лошадь Этельреда и гуся Этельфлэд. Штандарт Хаки тащил мой слуга Годрик, волоча его по грязи. Нашу небольшую процессию возглавляла повозка с добычей, за ней шли дети-пленники, следом плелся Хаки, привязанный к хвосту лошади Годрика. Вторая повозка замыкала строй, а мои воины ехали по обе стороны от колонны. Зрелище не самое впечатляющее. После Теотанхеля мы провезли по улицам города двадцать с лишним возов с добычей, множество пленников, захваченных лошадей и дюжину вражеских флагов. Но даже столь незначительная процессия дала жителям Глевекестра повод порадоваться, и нас чествовали всю дорогу от северных ворот до дворца Этельреда. Пара священников бросила в Хаки катышки конского навоза, толпа подхватила забаву, а детишки бежали рядом и осыпали ярла издевками.

У входа во дворец нас встретил Эрдвульф, командир ближней дружины Этельреда и брат Эдит, женщины, которая спала с лордом Этельредом. Эрдвульф был человек умный, приятный на внешность, властолюбивый и деятельный.

Он водил полки Этельреда против валлийцев и причинил им большой ущерб. В народе ходили также слухи, что он отличился при Теотанхеле.

«Источник власти Эрдвульфа кроется между бедрами его сестры, но не стоит его недооценивать, – говаривал мне отец. – Он опасен».

Опасный Эрдвульф был облачен в длинную кольчугу, отполированную до блеска, поверх которой набросил темно-синий плащ, отороченный мехом выдры. Он вышел с непокрытой головой, и черные лоснящиеся волосы удерживались коричневой лентой. Меч, тяжелый клинок, покоился в ножнах из мягкой кожи, украшенных золотом. По бокам от Эрдвульфа расположилась пара священников и еще с полдюжины приближенных, на каждом красовалось изображение герба Этельреда – белой лошади. Завидев нас, Эрдвульф улыбнулся. Я заметил, что, пока он шел нам навстречу, глаза его не отрывались от знамени Этельфлэд.

– Господин Утред, собираешься на рынок? – обратился Эрдвульф ко мне.

– Рабы, доспехи, мечи, копья, топоры, – перечислил я. – Желаеть купить?

– А это? – Он указал на ярла.

Я повернулся в седле:

– Хаки, вождь норманнов, решивший обогатиться за счет Мерсии.

– Тоже продается?

– Его повесят, – ответил я. – Медленно. Госпожа приказала вздернуть его прямо здесь.

– Твоя госпожа?

– И твоя, – уточнил я, зная, как это его бесит. – Госпожа Этельфлэд.

Если он и злился, то не выказал этого, а снова улыбнулся.

– У нее много забот, – прощепетал Эрдвульф. – Она собирается вернуться?

Я помотал головой:

– У нее дела на севере.

– А я думал, ей захочется присутствовать на витане², который состоится через два дня, – ехидно заметил он.

– На витане?

– Тебя это не касается, – отрезал Эрдвульф. – Ты не приглашен.

Витан, как я подметил, соберется в День святого Кутберта. Так вот почему Этельфлэд хотела, чтобы мы успели прежде, чем большие люди Мерсии соберутся на совет. Желала напомнить им, кто сражается с врагами страны.

Эрдвульф подошел к Хаки, оглядел его с ног до головы, потом вернулся ко мне.

– Как вижу, у тебя знамя господина Этельреда.

– Разумеется, – ответил я.

– И оно развевалось во время схватки, в которой вы захватили этого малого? – Он кивнул в сторону Хаки.

² *Витан* – совет высшей знати англосаксонского государства.

– Сражаясь за Мерсию, моя госпожа делает это под знаменем мужа.

– Значит, пленники и добыча принадлежат лорду Этельреду, – заявил Эрдвульф.

– Мне приказано их продать, – возразил я.

– Вот как? – Наглец рассмеялся. – Так вот тебе новый приказ. Все это принадлежит лорду Этельреду, поэтому передай добычу мне.

Он воззрился на меня, подбивая к ссоре. Вид у меня был, надо полагать, угрожающий, потому как его спутники наполовину опустили копья.

Появился отец Фраомар и метнулся к моему коню.

– Не надо свар, – прошипел он.

– Господин Утред и в мыслях не держал обнажать меч против дружинников лорда Этельреда, – измывался Эрдвульф. Потом махнул своим людям. – Заберите все это! – приказал он, указывая на повозки, добычу, Хаки и рабов. – И поблагодарим госпожу Этельфлэд, – тут его взгляд снова впился в меня, – за скромный вклад в казну своего супруга.

Я смотрел, как его подручные уводят повозки и рабов к воротам. Когда все закончилось, Эрдвульф расплылся в ухмылке.

– Так госпожа Этельфлэд не имеет намерения посетить витан? – насмешливо осведомился он.

– А ее приглашали?

– Нет, разумеется, она ведь женщина. Но ей могло быть

интересно, какие решения примет витан.

Эрдвульф пытался выведать, вернется ли Этельфлэд в Глевекестр. Я хотел было сказать, что не имею представления о ее планах, потом решил не таить правду.

– Ее не будет, – сообщил я. – У нее много дел – она строит бург на Мэрсе.

– Ах, бург на Мэрсе! – воскликнул он и расхохотался.

Ворота закрылись за ним.

– Ублюдок! – буркнул я.

– У него есть право, – пояснил отец Фраомар. – Лорд Этельред – супруг леди Этельфлэд, поэтому все ее имущество принадлежит ему.

– Этельред – поросенок, у которого молоко матери-свиньи на губах не обсохло, – сказал я, пялясь на закрытые ворота.

– Он повелитель Мерсии, – выдавил священник. Фраомар принадлежал к числу сторонников Этельфлэд, но чувствовал, что смерть мужа лишит ее и влияния, и власти.

– Ублюдок или нет, но элем он нас не угостит, – встрял Ситрик.

– Эль – хорошая идея, – согласился я.

– А потом – рыженькая из «Пшеничного снопа»? – с ухмылкой уточнил он. – Если только ты не решил углубить свои познания в сельском хозяйстве.

Я усмехнулся в ответ. Отец дал мне усадьбу к северу от Сирренкастра и велел учиться земледелию. «Хозяин должен знать об урожаях, пастбищах и скоте не меньше свое-

го управляющего, – ворчал мой родитель. – Иначе пройдоха будет надувать тебя как захочет».

Чем больше дней я проводил в имении, тем больше доставлял ему радости, но, должен признаться, я мало чего узнал про урожаи, пастбища и скот, зато очень близко сошелся с одной молодой вдовушкой, которую поместил жить в главном доме усадьбы.

– Сначала в «Сноп», – объявил я, тронув Хердинга. «А завтра, – добавил мысленно, – отправимся к вдове».

Вывеска таверны представляла собой большой, вырезанный из дерева сноп. Проскакав под ней, я оказался на утопающем в грязи из-за дождя дворе и передал слуге поводья. Мне нечего было возразить отцу Фраомару. У лорда Этельреда имелось законное право брать все принадлежащее жене, потому как у нее не было ничего, что не принадлежало бы мужу. И тем не менее выходка Эрдвульфа удивила меня. Этельред и Этельфлэд долгие годы жили в состоянии войны, но то была война без сражений. Он обладал в Мерсии законной властью, тогда как она пользовалась любовью народа. Этельред мог бы с легкостью отдать приказ заточить свою супругу, но брат оной был королем Уэссекса, а Мерсия выживала только за счет помощи, которую оказывали ей западные саксы в момент серьезной опасности. Поэтому муж и жена ненавидели друг друга, но терпели и делали вид, что никакой вражды не существует. Вот почему Этельфлэд так настойчиво использовала знамя супруга.

Ныряя под низкую притолоку двери таверны, я мечтал, как отомщу Эрдвульфю. Представлял, как выпускаю ему кишки или отрубая голову или как слушаю его мольбы, приставив Клюв Ворона ему к горлу. «Ублюдок! – злился я. – Трусливый, напыщенный, сальноволосый, задирающий нос ублюдок!»

– Эрслинг!³ – окликнул меня хриплый голос, источник которого располагался близ очага «Снопа». – Какой зловредный демон занес тебя сюда в стремлении испортить мне день?

Я вытаращился. И отказался верить своим глазам, потому что в ответ на меня смотрел тот, кого я меньше всего ожидал увидеть в твердыне Этельреда.

– Ну, эрслинг, и что ты тут забыл? – допытывался мужчина.

Это был мой отец.

³ *Эрслинг* – англосаксонское ругательство, означающее «задница».

Часть первая. Умиравший лорд

Глава первая

Мой сын выглядел усталым и злым. Он промок, был покрыт грязью, волосы – словно сырой стог после того, как на нем от души покувыркались, один сапог порезан. Там, где лезвие рассекло лодыжку, на коже сапога темнело пятно, но парень не хромал, поэтому беспокоиться за него не стоило. Вот только пялился на меня как слабоумный.

– Не надо так на меня таращиться, – посоветовал я. – Купи мне лучше эля. Скажи девчонке, пусть нацедит из черной бочки. Ситрик, рад тебя видеть.

– И я тебя, господин, – ответил Ситрик.

– Отец! – воскликнул сын, все еще хлопая глазами.

– А ты думал кто? – спросил я. – Дух Святой?

Я подвинулся, освобождая для них место на скамье.

– Садись рядом и расскажи мне новости, – велел я Ситрику. Потом обратился к Утреду: – Перестань глазеть, и пусть какая-нибудь из девушек принесет нам эля. Из черной бочки!

– А почему именно из черной, господин? – поинтересовался Ситрик, усаживаясь.

– Тот эль сварен из нашего ячменя, – пояснил я. – Хозяин

приберегает его для тех, кто ему по нраву.

Я привалился к стене. Сидеть наклонившись вперед было больно. Впрочем, так же, как и сидеть прямо, и просто дышать. Болело все, и оставалось лишь удивляться, что я вообще выжил. Кнут Длинный Меч почти прикончил меня своей Ледяной Злостью, вот только Вздох Змея перепилил ему глотку в тот самый миг, когда его клинок сломал мне ребро и пронзил легкое. «Господи Иисусе! – живописал мне Финан. – Трава была скользкой от крови. Казалось, будто свинью к Самайну⁴ закололи».

Но скользко там стало в основном от крови Кнута. Сам Кнут был мертв, а его армия разбита. Данов изгнали из большей части Северной Мерсии, и саксы возносили благодарственные молебны своему пригвожденному Богу за Его заступничество. Многие из них наверняка молились и об избавлении от меня, но я выжил. Они христиане, я – нет, но ходили слухи, что жизнь мне спас христианский священник. Этельфлэд перевезла меня на повозке в свой дом в Сирренкастре, и за мной приставили ухаживать попа, прославившегося как хороший лекарь и костоправ. Этельфлэд рассказывала, что он ввел мне камышинку через ребра и изнутри вышел сгусток смрадного воздуха. «Он вырвался наружу и вонял, как сточная канава», – сообщила она. «Зло покинуло его», – пояснил священник. А может, то были ее слова. Потом врачеватель приложил к ране коровью лепешку. Навоз

⁴ *Самайн* – кельтский Новый год, отмечается 1 ноября.

запекся коркой и, по заверениям попа, не дал злу вернуться обратно. Правда это или нет? Понятия не имею. Знаю только, что после многих недель боли, недель ожидания смерти и уже какое-то время после наступления нового года я сумел снова подняться на ноги. Теперь, почти два месяца спустя, я мог сесть на лошадь либо пройти с милю или около того, но прежняя сила ко мне так и не вернулась, и Вздох Змея казался слишком тяжелым для моей руки. Постоянная боль, подчас терпимая, подчас невыносимая, и день за днем, без исключения, из раны сочился вонючий гной. Видимо, христианский колдун запечатал рану прежде, чем из нее вышло все зло. Подчас мне думалось, что он сделал это намеренно, ведь христиане меня ненавидят, по крайней мере большинство из них. Они улыбаются, распевают свои псалмы и проповедуют, что их вера – это любовь, но скажи им, что поклоняешься другому богу, и любовь сразу сменяют ярость и злоба. Так что по большей части я чувствовал себя старым, разбитым и ненужным и иногда даже сомневался, хочу ли жить.

– Господин, как ты здесь очутился? – спросил Ситрик.

– На лошади прискакал, конечно. А ты что подумал?

Это было не совсем точно. От Сирренкастра до Глевекестра рукой подать, и часть путешествия я действительно проделал верхом, но за пару миль от города забрался в повозку и улегся на подстилку из соломы. Боги, как тяжело было укладываться там! Потом я велел ввезти себя в город и, когда меня увидел Эрдвульф, застонал и сделал вид, что слыш-

ком слаб и не узнаю его. Сальноволосый ублюдок держался рядом с повозкой и мел своим шелковым лживым языком.

– Лорд Утред, воистину печально видеть тебя таким, – болтал он, подразумевая, что предпочел бы видеть меня вообще недвижимым, а лучше умирающим. – Ты подаешь пример всем нам!

Он говорил очень медленно и громко, как со слабоумным. Я только стонал и не произнес ни слова.

– Мы не ожидали увидеть тебя снова, – продолжал мерзавец. – А ты живой.

Ублюдок.

Витану предстояло собраться в День святого Кутберта. Вызов, скрепленный печатью Этельреда с изображением лошади, требовал явиться в Глевекестр всем главным мужам Мерсии: олдерменам и епископам, аббатам и танам. В документе говорилось, что повелитель Мерсии созывает их «держать совет», но слухи утверждали, что повелитель Мерсии превратился в жалкого калеку, который мочится под себя, и что витан собирают, дабы одобрить какую-то подлую затею Эрдвульфа. Я не ожидал вызова, но, к моему изумлению, го-нец вручил мне пергамент, тяжелый от подвешенной большой печати Этельреда. Зачем я им там понадобился? Я считался главным сторонником жены лорда, и тем не менее меня пригласили. Не позвали никого из знатных, кто стоял на стороне Этельфлэд, кроме меня. Почему?

– Он хочет убить тебя, господин, – предположил Финан.

– Да я и так одной ногой в могиле. Зачем утруждаться?

– Ты нужен ему там, потому что они хотят вывалить Этельфлэд в дерьме, – продолжал строить догадки Финан. – И если ты будешь там, они не скажут, будто за нее никто не вступился.

Довод показался мне сомнительным, но другой на ум не приходил.

– Может, и так.

– И им известно, что ты еще не оправился и не сможешь причинить хлопот.

– Может, и так, – повторил я.

Было очевидно, что витан призван определить будущее Мерсии. Столь же очевиден был факт, что Этельред предпримет все, чтобы его постылая жена не стала частью этого будущего. Тогда зачем приглашать меня? Я буду выступать за нее, это им ясно. Как и то, что я ослаблен раной. Неужели я понадобился только для того, чтобы создать видимость учета всех мнений? Мне это казалось странным, но если они думают, что немощь помешает мне отстаивать свою точку зрения, то есть смысл укрепить их в этом заблуждении. Именно поэтому я позаботился предстать перед Эрдвульфом в таком жалком виде. Пусть ублюдок считает меня беспомощным.

Да я и есть почти беспомощный. Вот только жив.

Сын принес эля и, пододвинув стул, сел рядом. Он тревожился на мой счет, но я отмел его вопросы и стал задавать свои. Утред поведал про бой с Хаки, пожаловался на Эрд-

вульфа, похитившего рабов и добычу.

– Как мог я остановить его? – развел руками он.

– А тебе не следовало его останавливать, – сказал я и в ответ на его озадаченный взгляд пояснил: – Этельфлэд знала, что так и будет. Иначе разве стала бы посылать тебя в Гле-векестр?

– Но ей нужны деньги!

– Поддержка Мерсии нужна ей сильнее, – промолвил я. Недоумевающее выражение не сходило с лица парня. – Отправив тебя сюда, она показала, что сражается. Если бы ей на самом деле требовались деньги, она послала бы рабов в Лунден.

– Неужели она думает, что горстка рабов и пара телег с ржавыми кольчугами возымеют какое-то действие на витан?

– Ты в Сестере хоть одного человека Этельреда встретил?

– Нет. Ясное дело, нет.

– А каков первый долг правителя?

Сын на пару мгновений задумался.

– Оборонять свою землю?

– И если Мерсия подыскивает нового правителя...

– Ей понадобится кто-то, кто умеет драться? – неуверенно предположил Утрэд.

– Кто-то, кто умеет драться, – подтвердил я. – А еще вести за собой и вдохновлять.

– Ты? – спросил он.

Я едва не вlepил ему подзатыльник за тупость, но передо

мною сидел уже не мальчишка.

– Не я.

Сын в задумчивости нахмурил лоб. Он знал ответ, который я требовал, но был слишком упрям, чтобы дать его.

– Эрдвульф? – Сын выдвинул новое предположение. Я молчал, и он поразмыслил еще немного. – Эрдвульф сражался с валлийцами, и воины хорошо отзывались о нем.

– Он сражался с голозадыми конокрадами, больше ни с кем, – презрительно бросил я. – Когда валлийская армия в последний раз вторгалась в Мерсию? Кроме того, Эрдвульф не из знати.

– Но если он не может вести Мерсию, то кто сможет? – медленно промолвил сын.

– Ты знаешь кто. – И раз он все равно отказался озвучить имя, я назвал его сам. – Этельфлэд.

– Этельфлэд... – повторил Утред, потом покачал головой.

Я знал, что парень недолюбливает ее, а возможно, даже побаивается. Знал и то, что она относится к нему пренебрежительно, как и к своей собственной дочери Эльфинн. В этом Этельфлэд была дочерью своего отца – терпеть не могла легкомысленных и беспечных людей и ценила серьезных, воспринимающих жизнь как трудную работу. Со мной она ладила, наверное, потому, что знала – в битве я так же серьезен и обстоятелен, как любой из ее занудных попов на службе.

– Так почему не Этельфлэд? – поинтересовался я.

– Потому что женщина, – ответил Утред.

– Ну и что?

– Женщина!

– Это я знаю! Видел ее голой.

– Витан никогда не доверит женщине власть, – твердо заявил он.

– Это верно, – встрял Ситрик.

– Тогда кого же им выбрать? – поинтересовался я.

– Ее брата? – предположил сын.

В этом имелся смысл. Эдуард, король Уэссекса, желал получить трон Мерсии, но не хотел просто прийти и взять его. Ему требовалось приглашение. Быть может, витан собирается именно для того, чтобы согласовать это решение? Другой причины созывать на совет знать и высших церковников я не видел. Есть смысл избрать преемника сейчас, пока Этельред не умер, и тем самым избежать интриг, а то и открытой междоусобицы, которые подчас следуют за смертью правителя. Я твердо знал, что самого Этельреда порадует, если жена не унаследует за ним власть. Он скорее даст бешеным псам откусить ему яйца, чем допустит такое. Но кто же унаследует ее? Не Эрдвульф, в этом я не сомневался. Он человек толковый, в достаточной степени наделен отвагой и не дурак. Но витан хочет видеть во главе государства представителя знати, а Эрдвульф хоть и не безродный, но и не олдермен. Да и нет в Мерсии такого олдермена, который на голову превосходил бы прочих претендентов, за исключе-

нием, возможно, Этельфрита, что владеет обширными землями к северу от Лундена. После Этельреда он был богатейшим олдерменом Мерсии, но сторонился Глевекестра и его раздоров, держался западных саксов и, насколько мне было известно, не удосужился даже приехать на витан. Впрочем, решение витана, скорее всего, не будет иметь никакой цены, потому как в конечном счете именно западные саксы определяют, кто лучше всех подходит для Мерсии.

По крайней мере, так я думал.

И поторопился с выводами.

* * *

Витан начался – само собой разумеется – с утомительной службы в церкви Святого Освальда, бывшей частью выстроенного Этельредом аббатства. Я пришел на костылях, в которых не нуждался, но решил выглядеть более больным, чем на самом деле. Аббат Риксег встретил меня с почетом, попытался даже отвесить поклон, что оказалось нелегко, так как пузо у него было как у беременной свиноматки.

– Господин Утред, печально видеть тебя в нездоровье, – заявил он, что означало на самом деле его готовность прыгать от радости, если бы не треклятое сало. – Да хранит тебя Господь, – добавил аббат, перекрестив меня пухлой ладошкой, а про себя наверняка молился своему Богу, чтобы тот разразил меня молнией.

Я поблагодарил его с таким же лицемерием, с каким он меня благословил, потом уселся на каменной скамье в конце храма и прислонился к стене. По обе стороны от меня расположились Финан и Осферт. Риксег расхаживал туда-сюда, встречая гостей. С улицы доносилось бряцание оружия. Сына и Ситрика я оставил там, чтобы никакой ублюдок не украл Вздых Змея. Я привалился головой к стене и пытался прикинуть стоимость серебряных подсвечников, стоящих по бокам от алтаря. Здоровенные были штуковины, тяжелые, как боевой топор. От них распространялся аромат воска, а свет дюжины свечей отражался от серебряных реликвариев и золотых чаш, стоящих на алтаре.

Хитрая эта организация, христианская Церковь. Едва лорд становится богат, он строит храм или монастырь. Этельфлэд настояла на возведении в Сестере церкви еще до того, как начала укреплять стены и углублять ров. Я доказывал, что это пустая трата денег, что она всего лишь построит заведение, где попы вроде Риксега станут набирать жирок, но Этельфлэд стояла на своем. Сотни мужчин и женщин живут при церквях, в аббатствах и монастырях, основанных лордами, и по большей части не делают ничего, кроме как едят, пьют да бубнят время от времени молитвы. Монахи работают, конечно. Они трудятся на полях, полют огороды, рубят лес, таскают воду и переписывают книги, но все ради того, чтобы их начальники могли жить как аристократы. Ловкий план – заставлять других работать, чтобы самому насла-

ждать роскошью. Я зарычал негромко.

– Церемония скоро закончится, – попытался утешить меня Финан, решивший, что мой рык вызван болью.

– Не приказать ли принести вина с медом, господин? – спросил озабоченный Осферт.

Осферт был незаконнорожденным сыном короля Альфреда, и более достойный человек не ступал еще по земле. Я часто пытался представить, какой государь вышел бы из него, родись Осферт от жены, а не от перепуганной служанки, задравшей юбки ради королевской прихоти. Из него мог получиться великий правитель, справедливый, умный и порядочный, но на нем вечно лежало клеймо бастарда. Альфред хотел сделать сына священником, но Осферт упрямо выбрал путь воина, и мне посчастливилось заполучить его в свою дружину.

Я смежил веки. Монахи пели, а один из колдунов размахивал металлической чашкой, подвешенной на цепи, заполняя церковь дымом. Я чихнул – это было больно, – потом у двери началась вдруг суматоха. Я подумал, что прибыл Этельред, но, открыв глаза, увидел епископа Вульфхерда со сворой попов-прихлебателей.

– Если тут затевается заговор, то этот любитель мять сиськи в самой его гуще.

– Не так громко, господин, – упрекнул меня Осферт.

– Любитель мять сиськи? – переспросил Финан.

Я кивнул:

– Так мне сказали в «Снопе».

– О нет! Нет! – возмутился Осферт. – Не может быть, он ведь женат!

Я расхохотался, потом снова закрыл глаза.

– Не стоит тебе говорить подобные вещи, – заявил я Осферту.

– Почему, господин? Это ведь просто грязные слухи! Епископ женат.

– Не стоит, потому что мне больно, когда я смеюсь, – сказал я.

Вульфхерд был епископом Херефордским, но большую часть времени обретался в Глевекестре, потому как именно тут хранились глубокие сундуки Этельреда. Вульфхерд ненавидел меня и сжег мои постройки в Фагранфорде в попытке выжить меня из Мерсии. Он не принадлежал к породе жирных священников, а, напротив, был тощ как тесак. При виде меня его суровое лицо расплылось в принужденной улыбке.

– Господин Утред!

– Вульфхерд, – буркнул я в ответ.

– Рад видеть тебя в храме, – продолжил он.

– Но только не с этим, – прошипел один из его приспешников.

Я открыл глаза и понял, что он указывает на молот, висящий у меня на шее. Это был символ Тора.

– Осторожно, поп, – предостерег я, хотя был слишком слаб, чтобы наказывать за дерзость.

– Отец Пенда, давай помолимся, чтобы Господь вразумил лорда Утреда отринуть свои языческие побрякушки, – сказал Вульфхерд. Потом обратился ко мне: – Бог прислушивается к нашим молитвам.

– Неужели?

– Я молился о твоём выздоровлении, – солгал прелат.

– И я тоже, – заметил я, прикоснувшись к молоту Тора.

Вульфхерд улыбнулся уклончиво и отвернулся. Попы последовали за ним, как цыплята за наседкой, все, кроме молодого отца Пенды, который стоял и с вызовом смотрел на меня.

– Ты бесчестишь храм Божий! – громко заявил он.

– Просто уйди прочь, отец, – посоветовал Финан.

– Это мерзость! – Священник едва не сорвался на крик, указывая на мой молот. В нашу сторону стали поворачиваться головы. – Мерзость в глазах Господа!

Потом Пенда наклонился в попытке сорвать с меня молот. Я ухватил его за черную рясу и притянул к себе. Усилие отозвалось в левом боку вспышкой боли. Ряса, прижатая к моему лицу, была влажной и воняла навозом, зато скрыла мое лицо, искажившееся от боли, пронзившей рану. Я судорожно вздохнул, затем Финану удалось оторвать попа от меня.

– Мерзость! – заорал Пенда, которого тащили прочь.

Осферт приподнялся в намерении помочь ирландцу, но я ухватил его за рукав и остановил. Пенда снова бросился на меня, но двое из приятелей-попов вцепились ему в плечи и

увлекли прочь.

– Глупец прав, – сурово заметил Осферт. – Тебе не следовало надевать молот, идя в церковь, господин.

Я вжался спиной в стену, стараясь дышать ровнее. Боль накатывала волнами, то острая, то тупая. Кончится это когда-нибудь? Мне так надоело терпеть, и, возможно, боль притупила мой разум.

Я думал, что Этельред, повелитель Мерсии, умирает. Это было очевидно. Удивительно, что он протянул так долго, но витан определенно собрался с целью обсудить последствия его смерти. И я только что узнал о приезде в Глевекестр олдермена Этельхельма, тестя короля Эдуарда. В церкви его не было, по крайней мере, я не видел, а не заметить его трудно, потому как человек он крупный, общительный и шумный. Я симпатизировал Этельхельму и ни на грош не доверял ему. И он прибыл на витан. Откуда я узнал? От отца Пенды, этого злопыхающего священника, своего лазутчика. Пенда находился у меня на жалованье, и, когда я притянул его к себе, он прошептал: «Этельхельм здесь. Приехал этим утром». Он хотел добавить что-то еще, но тут его утащили.

Я внимал пению монахов и гудению попов, собравшихся вокруг алтаря, где огоньки свечей играли на большом золотом распятии. Алтарь был пуст, и в его чреве лежал массивный серебряный гроб, украшенный хрустальными вставками. Один этот саркофаг стоил дороже всей церкви. Наклонившись и взглядевшись сквозь маленькие хрусталики, мож-

но было различить скелет, покоящийся на дорогом синем шелке. По особым дням саркофаг открывали, скелет выставляли на всеобщее обозрение, и я слышал о чудесах, которые случались с людьми, заплатившими за право прикоснуться к желтым костям. Волшебным образом исчезали чирьи и бородавки, хромые начинали ходить – и все благодаря останкам якобы святого Освальда. Будь это так, это само по себе стоило назвать чудом, потому как нашел их я. Вероятно, они принадлежали неизвестному монаху, хотя с таким же успехом могли быть скелетом какого-нибудь свинопаса. Но когда я говорил об этом отцу Кутберту, тот заявлял: не один и не два свинопаса причислены к лику святых. Этим христианам ничего не докажешь.

Помимо тридцати-сорока священников, в церкви присутствовали по меньшей мере сто двадцать человек. Все стояли под высокими балками, между которыми летали воробьи. Религиозная церемония должна была пролить благословение пригвожденного Бога на думы витана, поэтому никого не удивило, когда епископ Вульфхерд произнес убедительную проповедь о мудрости того, кто внимает совету людей трезвых, добрых, старших и наделенных властью.

– Да воздают старейшинам двойную честь, – убеждал он нас, – потому как таков завет Господа!

Вполне может быть, но в устах Вульфхерда это изречение намекало на то, что всех нас собрали не давать советы, а согласиться с тем, что уже заранее решено промеж епископом,

Этельредом и, как я только что узнал, Этельхельмом Уэссекским.

Этельхельм был вторым по богатству человеком в Уэссексе после короля, своего зятя. Он владел обширными земельными угодьями, а его дружина составляла почти треть в войске западных саксов. Это был главный советник Эдуарда, и его неожиданный приезд в Глевекестр доказывал, что король Уэссекса определился, как хочет поступить с Мерсией. Он послал Этельхельма обнародовать решение, но и тот и другой знали, что Мерсия горда и заносчива. Мерсия не примет Эдуарда королем просто так, ей следует предложить что-то взамен. Но что? Говоря начистоту, Эдуард мог провозгласить себя королем после смерти Этельреда, но такой шаг вызвал бы недовольство, а то и открытое сопротивление. Я уверен, что он хотел заставить Мерсию упрашивать себя и для этого послал Этельхельма. Этельхельма добродушного, Этельхельма щедрого, Этельхельма красноречивого. Этот человек нравился всем. Нравился он и мне, но его присутствие в Глевекестре таило подвох.

Мне удалось проспять почти всю проповедь Вульфхерда, а когда хор затянул очередной бесконечный псалом, Осферт и Финан помогли мне выбраться из церкви. Сын нес Вздох Змея и костыли. Я подчеркивал свою слабость, тяжело опираясь на плечо Финана и шаркая ногами. По большей части это было притворство, но не совсем. Я устал от боли, устал от вонючего гноя, сочащегося из раны. Кое-кто останавливал-

ся, чтобы выразить сожаление при виде моего нездоровья, и сочувствие некоторых было искренним, но большинство явно испытывало радость от моего крушения. До ранения я внушал им страх, а теперь они могли без опаски презирать меня.

Предупреждение отца Пенды едва ли имело смысл, потому как Этельхельм поджидал нас в большом зале, но думается, молодой священник хотел сделать хоть что-то, чтобы отработать полученное от меня золото. Западносаксонского олдермена окружали люди пониже рангом, и все до единого понимали, что настоящая власть в этом зале принадлежит Этельхельму, представителю Эдуарда Уэссекского, ведь без армии западных саксов не было бы и самой Мерсии. Я смотрел на него и гадал, с какой целью он приехал. Это был здоровяк с широким лицом, лысоватый, с приветливой улыбкой и добрыми глазами, которые округлились при виде меня. Стряхнув окружавших его собеседников, он поспешил мне навстречу:

– Дорогой мой господин Утред!

– Господин Этельхельм! – Я постарался, чтобы мой голос звучал прерывисто и хрипло.

– Дорогой мой господин Утред, – повторил он, заключив мою ладонь в свои. – Нет слов, способных передать, что я чувствую! Скажи, что я могу сделать для тебя? – Он стиснул мою руку. – Только скажи!

– Ты можешь дать мне умереть с миром, – ответил я.

– Уверен, тебе отпущено еще много лет, – возразил олдермен. – В отличие от моей дорогой супруги.

То была новость. Я знал, что Этельхельм женат на бледном, худосочном создании, которое принесло ему в приданое половину Дефнаскира. Каким-то образом этой несчастной удалось произвести на свет целую череду крепких, толстеньких малышей. Чудо, что она протянула так долго.

– Мне жаль, – прошамкал я.

– Она хворает, бедняжка. Вся истончала, и конец уже близок.

Особой печали в его голосе не чувствовалось. Впрочем, я предполагал, что брак с подобной видению женой был заключен лишь ради расширения земельных владений.

– Когда я женюсь снова, то надеюсь, что ты приедешь на свадьбу! – продолжил Этельхельм.

– Если доживу, – скулил я.

– Еще как доживешь! Я буду за тебя молиться!

Ему бы и за Этельреда не мешало помолиться. Властитель Мерсии не присутствовал на церковной службе, но ждал нас, восседая на троне, установленном на помосте в западном конце большого зала. Он сидел сгорбившись, смотрел перед собой пустым взглядом, а тело его было укутано в просторный плащ из бобрового меха. Рыжие волосы поседели, хотя большая часть шевелюры пряталась под шерстяной шапочкой, скрывавшей, как я предположил, его рану. Я никогда не любил Этельреда, но ощутил жалость. Он, должно быть,

уловил мой взгляд, потому как встрепнулся, поднял голову и посмотрел через зал туда, где я усаживался в задних рядах на скамью. Он пялился на меня с минуту, потом откинул голову на высокую спинку сиденья, а его рот безвольно приоткрылся.

На помост взобрался епископ Вульфхерд. Я боялся, что он разразится очередной проповедью, но вместо этого прелат постучал посохом по дощатому полу, а когда тишина установилась, ограничился кратким напутствием. Этельхельм, как я подметил, скромно сел чуть в стороне от собрания. Эрдвильф разместился у противоположной стены, а между ними ерзали на неудобных скамьях лучшие люди Мерсии. Дружинники Этельреда – единственные вооруженные люди в зале – выстроились вдоль стен. В дверь протиснулся мой сын и присел рядом.

– Мечи в безопасности, – прошептал он. – Ситрик здесь?
– Здесь.

Епископ Вульфхерд говорил так тихо, что мне пришлось наклониться, чтобы ничего не упустить, а наклоняться вперед было больно. Но я терпел и слушал. Лорду Этельреду доставляет удовольствие, вещал прелат, видеть Мерсию наслаждающейся в последнее время миром и покоем.

– Мы добыли землю силой своих мечей, – вещал Вульфхерд. – И милостью Господа изгнали язычников с полей, которые возделывали наши предки. Мы благодарим Бога за это!

– Аминь! – громогласно вступил Этельхельм.

– Этим мы обязаны победе, которую одержал в прошлом году господин Этельред при помощи надежных западно-саксонских союзников, – продолжал епископ. Он указал на Этельхельма, и весь зал наполнился топотом ног – так мужи совета выражали свое одобрение.

«Вот ублюдок! – подумал я. – Этельред получил рану сзади, а битву выиграла мои воины, не его».

Прелат дождался тишины.

– Мы обрели земли, хорошие пахотные земли, – снова заговорил Вульфхерд. – И господин Этельред с удовольствием награждает ею тех, кто в прошлом году сражался бок о бок с ним.

Тут епископ указал на стол у стены зала, где за грудой документов располагались два священника. Ничем не прикрытая взятка: поддерживай все предложения Этельреда и получишь поместье.

– Мне там ничего не причитается, – буркнул я.

– Он выделит тебе достаточно земли для могилы, господин, – хмыкнул Финан.

– Тем не менее, – Вульфхерд немного возвысил голос, и я смог снова откинуться к стене, – язычники удерживают города, являющиеся частью нашего древнего королевства. Они все еще оскверняют нашу землю своим присутствием, и, если мы хотим передать нашим детям поля, которые пахали наши предки, нам следует препоясать чресла и изгнать нече-

стивых, как Иисус Навин изгнал грешников из Иерихона!

Священник помолчал, видимо ожидая очередной порции топота, но в зале висела тишина. Он призывал нас сражаться, как прежде, но епископ Вульфхерд был не из тех, кто способен вдохновить других на кровавое дело и встать в «стену щитов» против оскаленных копейщиков-данов.

– Но сражаться мы будем не одни, – повел дальше прелат. – Господин Этельхельм прибыл из Уэссекса с целью заверить нас, а точнее, даже пообещать, что войско западных саксов выступит вместе с нами!

Заявление вызвало радостный гомон. Похоже, драться будет кто-то другой, и Этельхельм поднялся по деревянным ступенькам на помост под дружный топот. Он улыбнулся всему залу – здоровяк, чувствующий себя здесь как рыба в воде. Золотая цепь блестела поверх укрытой кольчугой груди.

– У меня нет права говорить в этом благородном собрании, – скромно начал он, и его могучий голос заполнил весь зал. – Но если лорд Этельред позволит...

Он повернулся, и Этельред ухитрился кивнуть.

– Мой король ежедневно возносит молитвы за королевство Мерсию, – продолжил Этельхельм. – Он просит о победе над язычниками. Государь благодарит Бога за победу, дарованную вам в прошлом году. И еще, лорды, давайте не будем забывать, что это господин Утред дал тот бой! Это он получил тогда рану! Это он заманил нечестивых в ловушку

и предал их под наши мечи!

Это было неожиданно. В зале не нашлось бы ни одного человека, не знавшего о враждебности Этельреда ко мне, и вот теперь меня превозносят здесь, в жилище Этельреда? На меня стали оборачиваться, затем кто-то топнул ногой, и вскоре весь зал наполнился шумом. Даже Этельред ухитрился дважды пристукнуть рукой о кресло. Этельхельм сиял, я же хранил невозмутимость, пытаюсь угадать, какая змея таится под сенью этой непредвиденной лести.

– Для моего короля удовольствие, – сообщил Этельхельм, когда грохот поутих, – содержать мощные силы в Лундене. Эта армия всегда готова отразить данов, наводняющих восточную часть нашей страны.

Заявление было встречено молчанием, и это едва ли стоило счесть сюрпризом. Лунден, крупнейший в Британии город, являлся частью Мерсии, но вот уже много лет находился под управлением западных саксов. Этельхельм намекал, хотя и уклончиво, что отныне город официально становится частью Уэссекса, и люди в зале уловили посыл. Он мог им не нравиться, но если такова была цена за помощь западных саксов в войне с данами, то она уже заплачена и потому приемлема.

– Мы сохраним эту могучую армию на востоке, – заявил Этельхельм. – Армию, предназначением которой является вернуть Восточную Англию под власть саксов. Вам же, лорды, предстоит держать армию здесь, на западе. И вместе мы

сумеет изгнать язычников с нашей земли! Мы будем сражаться заодно! – Он помолчал, озирая зал, потом повторил последнее слово: – Заодно!

И на этом остановился. Это была очень резкая концовка. Олдермен улыбнулся епископу, улыбнулся примолкшим людям на скамьях перед ним и сошел с помоста.

«Заодно», – обронил он, и это определенно означало брак поневоле между Уэссексом и Мерсией. Змея, похоже, скоро выползет на волю.

Пока говорил Этельхельм, епископ Вульфхерд присел, но теперь снова поднялся.

– Необходимо, лорды, – произнес он, – чтобы мы собрали мерсийскую армию, которая освободит северную часть нашей страны от последних язычников и тем самым распространит власть Христа во всех частях нашего древнего королевства.

Кто-то в зале попытался заговорить, но я не мог разобрать слов, и прелат перебил неизвестного.

– Пожалованные нами новые земли станут платой воинам, которые нам нужны, – резко заявил Вульфхерд, и его слова пресекли любые возражения.

Войско следовало кормить, оплачивать, вооружать, снабжать лошадьми, доспехами, щитами, обучать. Витан улавливал запах новых налогов, но епископ, очевидно, предлагал отдать в уплату армии захваченные у данов фермы. Почему бы нет? Идея не из худших. Мы побили данов, изгнали их

с большого куска мерсийской земли, и есть смысл гнать их дальше. Именно этим занималась Этельфлэд близ Сестера, но делала она это без поддержки воинов или денег мужа.

– Армии нужен предводитель, – заявил епископ.

Змея выпустила трепещущий язычок.

В зале повисла тишина.

– Мы долго размышляли над этим, – елеяно продолжил Вульфхерд. – И много молились! Мы предали решение во власть всемогущего Господа, и Он, в неизреченной милости своей, дал ответ.

Змея выползла на свет, поблескивая глазками.

– В этом зале присутствует дюжина мужей, способных повести войско против язычников, – продолжил прелат. – Но возвышение одного над прочими повлечет за собой ревность. Если бы господин Утред был здоров, перед нами не стоял бы выбор! – «Лживый ублюдок», – подумал я. Епископ снова заговорил. – Мы все молимся о выздоровлении господина Утрета, но, пока этот светлый день не наступил, должны найти человека, обладающего всеми признанными способностями, бесстрашием и безупречной репутацией.

Эрдвульф. Все взоры в зале обратились на него, и я ощутил, как мятеж зреет среди олдерменов. Эрдвульф – не один из них, это выскочка, который местом начальника ближней дружины обязан сестре Эдит, делящей с Этельредом ложе. Я почти ожидал увидеть ее на витане, возможно в роли сиделки Этельреда, но ей хватило ума оставаться в тени. Или

кто-то мудрый ей подсказал.

Тут прелат обнародовал свой сюрприз, и пасть змеи открылась, показав длинные изогнутые клыки.

– Господин Этельред почитает за благо, чтобы его дочь вышла замуж за Эрдвульфа, – объявил он.

По залу прокатился вздох, потом ропот, и снова наступила тишина. Люди хмурились, скорее озадаченно, чем возмущенно. Женившись на Эльфинн, Эрдвульф войдет в семью Этельреда. Пусть сам он будет не из знатного рода, зато королевскую кровь его супруги никто не поставит под сомнение. Эльфинн – внучка короля Альфреда, племянница короля Эдуарда. Раздвинутые бедра сестры принесли Эрдвулфу командование дружиной, а теперь Эльфинн разведет ноги, чтобы он взобрался еще выше. Умно. Кое-кто порывался взять слово, но голоса тонули в рокоте большого зала. Затем произошла еще одна неожиданность – заговорил сам Этельред.

– Мне угодно... – начал он, потом остановился перевести дух. Голос его был слаб, и люди в зале зашикали, чтобы слышать. – Мне угодно, – снова заговорил Этельред, сбивчиво и невнятно, – чтобы моя дочь Эльфинн вышла за лорда Эрдвульфа.

«Лорда? – подумал я. – Лорда Эрдвульфа?» Я изумленно смотрел на Этельреда. Тот вроде как улыбался. Я перевел взгляд на Этельхельма. Что выигрывает Уэссекс от этого брака? Быть может, это ради того, чтобы ни один мерсий-

ский ольдермен не смог, женившись на Эльфинн, унаследовать власть Этельреда, и тем самым Эдуарду будет открыт путь к трону? Но что удержит самого Эрдвульфа от узурпации? И тем не менее Этельхельм одобрительно кивал и улыбался, а потом пересек зал и заключил Эрдвульфа в объятия. Более открытого знака быть не могло – король Эдуард Уэссекский желает, чтобы его племянница сочеталась браком с Эрдвульфом. Но почему?

Мимо прошел отец Пенда, направляясь к двери. Он взглянул на меня, и Осферт напрягся, ожидая от молодого священника очередных обвинений, но Пенда не сбавил шага.

– Ступай за попом, – велел я сыну.

– Что?

– Он пошел отлить. Иди и помочись рядом с ним. Давай!

– Я не хочу...

– Ступай и отлей!

Утред ушел, а я наблюдал, как Этельхельм возводит Эрдвульфа на помост. Последний выглядел красивым, уверенным в себе и сильным. Он опустился на колени перед Этельредом, который простер руку. Эрдвульф поцеловал ее, повелитель Мерсии сказал что-то, но слишком тихо, чтобы мы могли расслышать. Епископ Вульфхерд склонился, внемля, затем распрямылся и обратился к залу:

– Господину Этельреду угодно, чтобы его дочь вышла замуж в день праздника святого Этельвольда.

Кто-то из священников затопал ногами, остальной зал

подхватил.

– Когда День святого Этельвольда? – спросил я у Осферта.

– Этельвольдов два, – педантично ответил тот. – И тебе следует знать, что оба они родились под Беббанбургом.

– Когда? – рявкнул я.

– Ближайший будет через три дня, господин. А день поминовения епископа Этельвольда отмечался в прошлом месяце.

Три дня? Слишком скоро, чтобы Этельфлэд успела вмешаться. Ее дочь Эльфинн выйдет замуж за врага прежде, чем она узнает об этом. Сей враг до сих пор стоял на коленях перед Этельредом, а витан провозглашал ему здравицы. Несколько минут назад совет презирал Эрдвульфа по причине его низкого происхождения, но теперь все уловили, откуда дует ветер, причем крепкий. Ветер дул с юга, из Уэссекса. Во всяком случае, Эрдвульф был мерсийцем, и тем самым Мерсия хотя бы избежит постыдной необходимости упрашивать какого-то западного сакса править ею.

Тут вернулся сын, наклонился к моему уху и зашептал. И я наконец выяснил, почему Этельхельм одобряет этот брак и с какой целью меня пригласили на витан. Мне следовало догадаться. Этот совет определял не будущее Мерсии, но судьбу королей.

Я сказал Утреду, что надо делать, потом встал. Встал медленно и с трудом, позволив страданиям отразиться на моем лице.

– Олдермены! – воззвал я, и это было весьма больно. – Олдермены!

Меня разрывало на части. Все в комнате понимали, что произойдет, а Этельхельм и епископ боялись этого, поэтому пытались заткнуть мне рот лестью. Теперь они видели, что лесть не помогла, потому что я собрался высказать возражения, заявить, что Этельфлэд имеет право влиять на судьбу дочери. Я собирался бросить вызов Этельреду и Этельхельму, и те теперь молча ждали этого вызова. Этельред смотрел на меня, Этельхельм тоже. Рот Вульфхерда приоткрылся.

Но к их облегчению, я не сказал ни слова. Я просто рухнул на пол.

* * *

Началась суматоха. Я трясся и стонал. Люди опускались рядом со мной на колени, а Финан кричал, призывая освободить мне место. А еще звал моего сына прийти ко мне, но Утред ушел, исполняя мой приказ. Сквозь толпу протолкался отец Пенда. Завидев меня сокрушенным, он громогласно возвестил, что это праведный гнев Господа. От такого заявления даже Вульфхерд нахмурился.

– Замолчи! – приказал епископ.

– Язычник сражен! – не утихал Пенда, слишком старательно отработывая свое золото.

– Господин?! Господин! – Финан теребил меня за правую

руку.

– Меч, – едва слышно потребовал я. Потом повторил громче: – Меч!

– Не здесь, – возразил кто-то.

– Никакого оружия в зале! – решительно заявил Эрд-вульф.

Тогда Финан и еще четверо парней вынесли меня за дверь и положили на траву. Под морозящим дождиком Ситрик принес Вздых Змея и сомкнул мои пальцы на рукояти.

– Язычество! – прошипел отец Пенда.

– Он жив? – спросил епископ, склоняясь надо мной.

– Это ненадолго, – отозвался Финан.

– Перетащите его под крышу, – предложил Вульфхерд.

– Домой, – прохрипел я. – Отвезите меня в мой дом. Финан!

– Я доставлю тебя домой, господин, – пообещал ирландец.

Подоспел Этельхельм, раздвинувший толпу подобно быку, расталкивающему овец.

– Господин Утред! – возопил он. – Что стряслось?

– Он не слышит тебя, господин, – ответил Осферт, осенив себя крестным знамением.

– Слышу, – возразил я. – Отвезите меня домой.

– Домой? – спросил Этельхельм. В голосе его прозвучало волнение.

– Домой, в горы, – пояснил я. – Я хочу умереть в горах.

– Тут поблизости есть монастырь. – Этельхельм держал

мою правую руку, плотнее сжимая мои пальцы вокруг рукояти Вздоха Змея. – Тебя можно перенести туда, господин Утред.

– В горы, – едва внятно вымолвил я. – Просто отвезите меня в горы.

– Языческий бред, – презрительно бросил отец Пенда.

– Если господин Утред хочет отправиться в горы, то он отправится туда, – решительно заявил Этельхельм.

Люди смотрели на меня и переговаривались. Моя смерть лишала Этельфлэд сильнейшего из сторонников, и наверняка они строили догадки, что станет с моими и ее землями, когда Эрдвульф заделается повелителем Мерсии. Дождь усилился, и я застонал. Не все в моем поведении было притворством.

– Ты простудишься, господин епископ, – сменил тему отец Пенда.

– И нам еще так многое следует обсудить, – произнес, распрямившись, Вульфхерд. Затем он обратился к Финану: – Присылай нам новости.

– Все в руках Божьих, – заявил Пенда, уходя.

– Воистину так, – проронил Вульфхерд. – И да послужит это уроком всем язычникам.

Осенив себя крестом, прелат зашагал следом за Пендой к дому.

– Дашь нам знать, что будет? – спросил Этельхельм у Финана.

– Конечно, господин. Молитесь за него.

– Всей душой.

Я выждал, пока все члены витана не ушли с улицы, затем поглядел на Финана.

– Утред подгонит повозку, – заявил я. – Погрузи меня в нее. Потом едем на восток, мы все. Ситрик!

– Господин?

– Разыщи наших. Пройди по тавернам. Пусть будут готовы тронуться в путь. Ступай!

– Господин?! – проронил ирландец, удивленный моей внезапной деловитостью.

– Я умираю, – пояснил я и подмигнул.

– Правда?

– Надеюсь, что нет, но говори всем обратное.

Прошло некоторое время, но вот наконец сын пригнал повозку, запряженную парой лошадей. Меня уложили на подстилку из промокшей соломы. Я привел в Глевекестр большинство своих дружинников, и, пока мы ехали по улицам, они скакали впереди, позади и по бокам повозки. Народ при нашем приближении снимал шапки. Весть о неминуемой моей смерти каким-то образом уже разнеслась по городу, и люди валили из домов и лавок, чтобы проводить меня в последний путь. Священники крестили проезжающую мимо телегу.

Я боялся, что опоздал. Мой сын, пока мочился вместе с Пендой у церковной стены, узнал от него главные новости: Этельхельм послал воинов в Сирренкастр.

Мне стоило догадаться.

Вот ради чего меня пригласили на витан: не потому, что Этельред и Этельхельм хотели убедить Мерсию, что есть кому вступить за Этельфлэд, но с целью выманить меня из Сирренкастра. Точнее, увести оттуда моих дружинников, потому что Этельхельм отчаянно хотел заполучить кое-кого в этом городе.

Ему нужен был Этельстан – мальчишка, лет десяти от роду, насколько я мог припомнить. Мать его была милой кентской девушкой, которая умерла, дав ему жизнь. Зато отец его был жив, и еще как жив. Его отец – не кто иной, как Эдуард, сын короля Альфреда, король Уэссекса. Эдуард женился на дочери Этельхельма и родил другого сына, и Этельстан превратился в помеху. Кто он – старший сын или же бастард, как утверждает Этельхельм? Если бастард, то у него нет прав, однако слухи упорно гласили, что Эдуард женился на той девчонке из Кента. И я знал, что слух этот правдив, потому что венчал пару отец Кутберт. Народ в Уэссексе делал вид, что верит в незаконное происхождение Этельстана, но Этельхельм опасался настойчивой молвы. Он боялся, что Этельстан станет соперником его внука в борьбе за трон Уэссекса, и явно решил принять меры. По словам Пенды, тесть короля отрядил два с лишним десятка воинов в Сирренкастр, где в доме Этельфлэд жил Этельстан. В мое отсутствие парня охраняли всего шестеро дружинников. Осмелится ли Этельхельм убить мальчика? В этом я сомневался,

но он наверняка попытается захватить его и увезти куда подальше, чтобы не создавал угрозы планам олдермена. И если Пенда прав, у высланного отряда день преимущества перед нами. Но Этельхельм явно обеспокоился, что я отправлюсь в Сирренкастр или хотя бы в Фагранфорду, из чего следовало, что его люди могут быть еще неподалеку. Вот почему я понес чушь про желание умереть в горах. Когда я соберусь умирать, то предпочту отбросить концы в теплой постели с девчонкой, а не на поливаемом дождем склоне мерсийского холма.

Гнать я не отваживался. Со стен Глевекестра за нами наблюдали, поэтому мы ехали мучительно медленно, как если бы дружинники старались не растрясти повозку с умирающим господином. Так продолжалось, пока мы не достигли букового леса на крутом склоне, поднимающемся в горы, где овцы все лето щиплют траву на лугах. Оказавшись среди деревьев, надежно укрывающих нас от любопытных глаз, я перебрался из телеги в седло своего скакуна. Годрика Гриндана, слугу моего сына, я посадил править повозкой, остальные помчались вперед.

– Осферт! – крикнул я.

– Господин?

– Не останавливайся в Сирренкастре, – велел ему я. – Возьми двоих и позаботься о безопасности отца Кутберта. Вытащи слепого ублюдка из постели и доставь обоих в Сирренкастр.

– Обоих? Из постели? – Осферт подчас соображал весьма туго.

– А где еще их можно найти? – спросил я, и Финан расхохотался.

Отец Кутберт был моим священником. Я не хотел попа, но король Эдуард прислал его, и Кутберт мне понравился. Его ослепил Кнут. Меня постоянно уверяли, что Кутберт хороший священник, подразумевая, что он вполне справляется со своими обязанностями. «Какими обязанностями?» – поинтересовался я однажды у Осферта и получил ответ, что тот навещает больных, молится и читает проповеди. Но всякий раз, когда я заглядывал в церковь в Фагранфорде, мне приходилось ждать, пока поп оденется. Затем он появлялся с улыбкой, смущенный и взъерошенный, а минутой спустя выходила Мехраза, смуглокожая рабыня, на которой он женился. Настоящая красавица.

И Кутберту грозила опасность. Я не был уверен, знает ли Этельхельм, что это отец Кутберт обвенчал Эдуарда с его кентской избранницей. Если знает, то священнику надо заткнуть рот. Возможно, Эдуард и не раскрыл имени священника. Король любил сына, нравился ему и Кутберт. Но насколько далеко простирается его привязанность? Эдуард не был слабым королем, зато был ленивым – предпочитал переложить большую часть забот о королевстве на плечи Этельхельма и кучки исполнительных попов. И те, надо признать, управляли Уэссексом твердо и разумно. А у Эдуарда появи-

лось время, чтобы охотиться и распутничать.

Пока король гонялся за оленями, кабанами и юбками, Этельхельм прибирал к рукам власть. И употреблял ее весьма толково. В Уэссексе вершилось правосудие, ремонтировались бурги, фирд⁵ упражнялся с оружием, а даны наконец усвоили, что вторгаться в Уэссекс себе дороже. Этельхельм тоже вел себя вполне достойно, пока не разглядел шанс стать дедом короля. Причем короля великого. Он будет направлять внука, как направлял зятя, и я не сомневался, что Этельхельм находится во власти тех же амбиций, какие обуревали Альфреда. То была мечта объединить всех саксов, взять четыре королевства и слить в одно. Мечта хорошая, но Этельхельму хотелось уверенности в том, что именно его семья претворит ее в жизнь.

И мне предстояло остановить его. Если получится.

Я должен был это сделать, потому что знал про законно-рожденность Этельстана. Он являлся этелингом, первенцем короля, и, кроме того, я любил парня. Этельхельм не остановится ни перед чем, чтобы избавиться от него, а я – чтобы защитить.

Ехать нам было недалеко. Едва оказавшись на гребне холмов, мы учуяли дым, говорящий о близости очагов Сирренкастра. Мы спешили, и у меня ныли ребра. Земля по обе стороны римской дороги принадлежала Этельфлэд, и то была добрая земля. В полях, под охраной людей и собак, паслись

⁵ Фирд – крестьянское ополчение в англосаксонских государствах.

первые ягнята. Эти уголья Этельфлэд получила от отца, однако брат мог отнять их. Неожиданный приезд Этельхельма в Глевекестр указывал на союз между Эдуардом и Этельредом. Или, скорее, на то, что Этельхельм принял решения, определяющие судьбу Мерсии.

– Как поступит он с мальцом? – спросил Финан, в голове которого явно крутились те же мысли, что и в моей. – Перережет глотку?

– Нет. Ты ведь знаешь, что Эдуарду нравятся близнецы. – У Этельстана была сестра-двойняшка, Эдгит.

– Упрячет Этельстана в аббатство, – предположил мой сын. – А Эдгит – в женский монастырь.

– Скорее всего.

– В какую-нибудь отдаленную обитель, – продолжал сын. – Где скотина-аббат выбивает из тебя дурь каждые два дня.

– Может попробовать сделать из него священника, – заявил Финан.

– Или будет надеяться, что парень заболеет и умрет, – сказал я и поморщился, когда конь въехал на грубо замощенный отрезок дороги. Дороги разрушаются. Все разрушается.

– Тебе не стоило ехать верхом, отец, – укорил меня сын.

– Болит постоянно, – возразил я. – И если прятаться от боли, так я ничего делать не смогу.

Однако путешествие выдалось мучительным, и, подъезжая к западным воротам Сирренкастра, я едва не плакал,

но пытался скрыть боль. Вот интересно: способны ли мертвые видеть живых? Может, они собрались в главном пиршественном зале Валгаллы и наблюдают за теми, кого оставили на земле? Я представляю, как Кнут сидит там и думает, что вскоре я к нему присоединюсь и мы вместе поднимем рог с элем. В Валгалле нет боли, нет печали, нет слез, нет порушенных клятв. Я видел, как Кнут улыбается мне – не радуясь моей боли, но потому, что при жизни мы нравились друг другу. «Приходи, – говорил он. – Приходи ко мне и живи!» Искушение было сильным.

– Отец? – В голосе сына слышалась тревога.

Я заморгал, окутывавшая взор пелена рассеялась, и я увидел, что мы стоим у ворот и один из городских стражей хмуро смотрит на меня.

– Господин! – воскликнул он.

– О чем ты говорил?

– Люди короля в доме госпожи, – повторил воин.

– Люди короля! – выдохнул я, и стражник уставился на меня. Я повернулся к Осферту. – Не медли! Найди Кутберта! – Путь в Фагранфорду лежал через город. Потом я снова обратился к воину: – Люди короля?

– Короля Эдуарда, господин, – пояснил тот.

– И они до сих пор там?

– Насколько мне известно, господин.

Я пришпорил коня. Дом Этельфлэд принадлежал некогда римскому военачальнику. По крайней мере, я предполагал,

что это был дом военачальника, – то было роскошное здание в углу старого римского форта. Стены форта обвалились, за исключением северной, образовывавшей часть городских укреплений, но оборонять дом не составляло труда. Он обрамлял просторный внутренний двор, внешние стены были сложены из камня цвета меда и не имели окон. Вход с колоннами смотрел на юг, а устроенная Этельфлэд новая дверь со двора конюшни вела через северную стену города. Ситрика с шестью парнями я отправил караулить именно этот северный вход, а сам с тремя десятками направился к небольшой площади перед южным. Там собралась толпа зевак – все гадали, зачем король Эдуард послал вооруженных людей в Сирренкастр. Толпа разошлась, когда копыта наших коней громко зацокали по улице, и вскоре мы оказались на открытом пространстве. Я заметил у дверей дома Этельфлэд двух копейщиков. Один сидел на каменной урне, в которой росла крохотная груша. При нашем появлении он встал и схватил щит, второй же застучал в закрытую дверь тупым концом копья. Оба были в кольчугах, шлемах, с круглыми щитами, на которых свежей краской был намалеван дракон Уэссекса. В двери был прорезан небольшой люк. Я заметил, как он приоткрылся и кто-то уставился на нас. Двое парней сторожили лошадей в восточной стороне площади, рядом с высокой бревенчатой церковью Этельфлэд.

– Пересчитай коней, – велел я сыну.

– Двадцать три, – почти без промедления ответил тот.

Значит, нас больше.

– Драки я не жду, – пробормотал я.

Затем изнутри дома донесся визг.

Визг, проникающий в уши с силой добротного копья, что пробивает ивовые доски щита.

– Боже правый... – выдохнул Финан.

Крик оборвался.

Глава вторая

Дверь дома Этельфлэд отворилась.

Появился Брайс.

Брайса я знал. Не то чтобы хорошо, но за долгие годы, пока мы теснили данов на север, наши пути не могли не пересечься. Я встречался с ним у лагерных костров, даже как-то перебросился парой слов перед битвой – а он был ветеран многих битв, человек, раз за разом встававший в «стену щитов», и неизменно под знаменем олдермена Этельхельма с изображением прыгающего оленя. Брайс умело обращался с оружием, был силен как бык, но недалеко и поэтому так и не дорос до командира одного из крупных отрядов Этельхельма. Но сегодня, похоже, именно Брайса поставили во главе людей, отправленных на поиски Этельстана. Он устремился к нам – воин во всем ужасающем боевом облачении. Но я слишком часто выступал в таком обличье сам, чтобы впечатлиться зрелищем.

Кольчуга у него была добрая и плотная, наверняка франкской работы, но разрублена в полудюжине мест, и новые кольца сияли на фоне более тусклого металла старых. На нем были высокие сапоги из темной кожи, а пояс, туго затянутый на блестящей кольчуге, украшали серебряные ромбики. Меч был тяжелый и длинный, в красных ножнах, отделанных перекрещивающимися серебряными полосками. На шею

серебряная цепь. На широкие плечи был накинута бордовый плащ, прихваченный у горла орнаментированной фибулой с вкраплениями граната. Шлем он не надел, волосы, длиннее, чем у большинства саксов, обрамляли лицо, видевшее многих врагов. На правой щеке Брайс нацарапал крест, а потом натер ранку сажей или грязью – таким образом оставался знак, говорящий, что его носитель – христианский воин. То был суровый человек, но каким еще мог он быть? Брайс стоял в «стене щитов», встречал атаки данов и остался жив. Он не был юн, его борода стала седой, а смуглое лицо испещрили глубокие морщины.

– Господин Утред, – приветствовал меня он. В голосе не слышалось почтения, скорее раздражение, будто мое прибытие оказалось досадной помехой. Что, надо думать, было истинной правдой.

– Брайс. – Я кивнул, не сходя с седла.

– Меня послал король, – доложил дружинник.

– Ты теперь служишь королю Эдуарду? – осведомился я. – Что стряслось? Господину Этельхельму надоел исходящий от тебя смрад?

Он пропустил оскорбление мимо ушей.

– Господин послал меня за маленьким ублюдком.

Я поднял глаза на деревянную башенку, венчающую церковь Этельфлэд. Там висел колокол, обошедшийся ей в тяжелый сундук серебра. Она очень гордилась колоколом, отлитым фризскими умельцами и переправленным через мо-

ре. По краю его шла надпись: «Этельфлэд, по милости Божьей и при помощи святой Вербурх, сделала этот колокол». И по милости Божьей этот колокол треснул в первый же раз, как в него ударили. Я хохотал, когда это случилось, и с тех пор колокол не созывал народ на службу, но только ранил небеса своим надтреснутым звуком.

– Ты меня слышишь? – спросил Брайс.

Я не сразу отвернулся от лопнувшего колокола, потом смерил Брайса взглядом с головы до ног:

– За каким таким маленьким ублюдком?

– Ты знаешь за каким! – рявкнул он.

– Я куплю леди Этельфлэд другой колокол, – сказал я Финану.

– Ей это понравится, – ответил ирландец.

– И наверное, напишу на нем «дар Тора».

– А вот это ей совсем не придется по вкусу.

– Господин Утред! – прервал нашу болтовню Брайс.

– Ты еще здесь? – осведомился я, изобразив удивление.

– Где он?

– Кто?

– Ублюдок Этельстан.

– Я не знаю ублюдка по имени Этельстан. – Я покачал головой, потом повернулся к Финану. – А ты?

– Никогда о таком не слышал, господин.

– Мальчишка Этельстан, – выдавил Брайс, стараясь не выйти из себя. – Сын короля Эдуарда.

– Его нет дома? – Я снова изобразил удивление. – Он должен быть или дома, или в школе.

– Здесь его нет, – отрезал Брайс. – И в школе мы смотрели. Так что найди его.

Я тяжело вздохнул, потом спешился. Чтобы скрыть боль, потребовалось усилие, и мне пришлось на миг ухватиться за лошадь, дожидаясь, пока бок отпустит. Я не знал даже, смогу ли идти без помощи, но кое-как оторвался от седла.

– Звучит как приказ, – сообщил я Брайсу и сделал несколько медленных шагов по направлению к нему.

– Приказ короля, – заявил он.

– Короля Уэссекса? Но здесь-то Мерсия.

– Король желает, чтобы его сын вернулся в Уэссекс, – без выражения проговорил Брайс.

– Ты хороший воин, – сказал я ему. – Я готов биться рядом с тобой в любой «стене щитов», но не доверю тебе даже вынести свой ночной горшок. Умишка у тебя маловато. Вот почему ты не во главе дружины Этельхельма. Так что королю ты не служишь, ты ему не нужен. Тогда кто послал тебя? Этельхельм?

Я бесил его, но детина ухитрялся сдерживать гнев.

– Король хочет получить назад своего сына, – процедил он. – И ты, господин Утред, найдешь мальчика и приведешь его сюда.

– Тебе это может показаться странным, но я не стану подчиняться твоим приказам.

– Э, станешь, – хмыкнул он. – Станешь.

Ему казалось, что он скрыл свою нервозность за воинственностью, но я видел его смущение. Брайс получил приказ доставить Этельстана, но мальчик пропал, а воинов у меня больше, чем у него. Однако Брайс не собирался отказываться от задания, но вознамерился выполнить его так же, как все другие встававшие перед ним проблемы, – идя напролом. Он обернулся к дому и крикнул:

– Приведите ее!

Дверь распахнулась, и какой-то человек вытолкнул на свет Стиорру. По толпе прокатился ропот, потому как лицо моей дочери было перепачкано кровью, а к груди она прижимала разодранное платье. Финан склонился в седле и положил мне на плечо руку, стараясь удержать, но этот жест был излишним. Я был разъярен, это да, но не до потери рассудка. Я был слишком слаб, чтобы нападать на Брайса, да и вдобавок гнев мой был холодным. Я намеревался одержать верх в этом противостоянии, но не посредством грубой силы. Не сейчас. Брайс тем временем считал, что у меня нет иного выбора, кроме как подчиниться ему.

– Ты приведешь мальчика, – с ухмылкой заявил он, – и твою дочь отпустят.

– А если не приведу?

Детина пожал плечами:

– Ты ведь его найдешь, не так ли?

Я обернулся и кивнул сыну:

– Подойди сюда.

Выждал, пока Утред спешится и приблизится ко мне.

– Где он? – вполголоса спросил я.

Если кто и знает, где прячется Этельстан, так это мой сын.

Парень посмотрел на Брайса, потом повернулся к западному саксу спиной.

– Он часто бывает в кузнице, – сказал он мне.

– В кузнице?

– Кузнице Годвильфа. У него там друзья. – Утред говорил тихо, чтобы Брайс не услышал. – Сын и дочь Годвильфа. На самом деле он ходит встречаться с девочкой.

– Но ему всего десять!

– Девять, как мне кажется. А ей двенадцать.

– Ему нравятся женщины постарше, а? – хмыкнул я. –

Ступай разыщи маленького мерзавца и приведи сюда. Только потяни время, не спеши.

Сын кивнул и удалился, проталкиваясь через молчаливую толпу.

– Куда он идет? – потребовал сообщить Брайс.

– За мальчишкой, конечно, – сказал я.

Западный сакс подозревал подвох, но ему не хватало ума смотреть дальше одного хода вперед, хотя сам этот ход казался ему, наверное, хорошей идеей.

– Вели своим людям уйти, – распорядился он.

– Уйти? – Я сделал вид, что не умнее Брайса.

– Уйти! – гаркнул он. – Пусть скроются из виду, сейчас

же!

Брайс полагал, что тем самым избавляется от угрозы, но, по правде говоря, потребовал именно того, о чем я мечтал.

– Пусть ребята идут на городскую стену, – негромко бросил я Финану. – И когда я дам знак, врываются в дом через крышу конюшни.

– Ты что ему сказал? – пожелал узнать Брайс.

– Велел ждать в таверне «Ячмень», – ответил я. – Там хороший эль, куда лучше вонючего дерьма, которое подают в «Грязном гусе».

Я кивнул Финану, и он увел людей, которые быстро затерялись в одной из узких улочек, примыкавших к площади перед церковью. Я выждал, пока не затих цокот копыт, потом медленно подошел к дочери.

– Как тебя зовут? – спросил я воина, державшего Стиорру.

– Хротгард, – представился тот.

– Молчать! – цыкнул на него Брайс.

– Хротгард, если причинишь ей вред, – предупредил я, – то умрешь очень медленно.

Брайс сделал два быстрых шага и встал прямо передо мной.

– Хротгард будет делать то, что я ему прикажу, – заявил он, и я ощутил его зловонное дыхание. Впрочем, сам он тоже мог унюхать смрад гноя, сочащегося из моей раны.

– И ты прикажешь ему отпустить ее, когда я передам тебе Этельстана? – уточнил я. – Ты ведь этого хочешь.

Детина кивнул. Он все еще мучился подозрениями, но был слишком глуп, чтобы разглядеть ловушку. Вот бы боги всегда посылали мне тупых врагов.

– Ты знаешь, где мальчик? – спросил он.

– Нам кажется, что да, – отозвался я. – И действительно, если королю потребовался его сын, то кто я такой, чтобы стоять на пути?

Брайс поразмыслил немного над вопросом и, видимо, пришел к выводу, что я совершенно подчинился его требованиям.

– Король попросил господина Этельхельма привести мальчика, – добавил он, пытаясь придать лжи подобие правды.

– Тебе следовало сказать мне это с самого начала, – заявил я. – Потому что Этельхельм всегда был мне по душе.

Брайс, смягченный этими словами, выдавил полуулыбку.

– Но я не люблю людей, которые обижают мою дочь, – закончил я.

– Это произошло случайно, господин, – заверил он меня слишком поспешно. – Виновный будет наказан.

– Хорошо, – бросил я. – А теперь давай ждать.

Мы ждали, пока парни Финана спешивались, а затем взбирались на городскую стену по ступенькам, спрятанным позади церкви, о которых Брайс понятия не имел. Старый форт, основная часть которого разрушилась, располагался в углу этих стен, так что укрепления образовывали северную и за-

падную стороны дома Этельфлэд. Помещения слуг и конюшни находились в северной части. За годы крыши их сгнили и были заменены соломенной кровлей, настеленной на стропила и обрешетку из прутьев. Стоило отбросить солому и раздвинуть прутья, и любой с легкостью мог попасть в конюшни. Я уже видел ирландца и его ребят на стене; их заметил бы и Брайс, если бы обернулся, но я отвлекал его внимание, расспрашивая про Теотанхель и слушая его рассказ об участии в битве. Я делал вид, что заинтересован, и требовал новых подробностей, а мои воины тем временем пригибались, чтобы их не было видно. Только один стоял во весь рост, лениво облокотившись на внешнюю сторону укреплений.

– А как быть с близняшкой-сестрой? – уточнил я.

– Ее тоже нужно отвезти к королю, – заявил Брайс.

– А где она сейчас?

– В доме. С кухонными работницами.

– Лучше позаботиться, чтобы ей не причинили вреда, – посоветовал я.

– С ней все в порядке, – заверил Брайс.

Я повернулся.

– Ты меня прости, – пропыхтел я. – Но моя рана все еще болит. Мне бы присесть.

– Я молюсь о твоём выздоровлении, – выдавил детина, хотя эти слова явно дались ему с трудом.

– Все случится по воле богов. – Я вернулся к своей лошади, которую держал Эдрик, парнишка лет восьми или девяти.

ти, мой новый слуга.

Брайс тоже отошел, вернувшись к двери дома, и остановился близ Стиорры.

Та глядела на меня. Я был плохим отцом, хотя всегда любил своих отпрысков. Однако маленькие дети сильно утомляли, а пока они подрастали, я постоянно сражался. Я сделал из сына воина и гордился им, но Стиорра меня озадачивала. Она была младшенькой, и смотреть на нее доставляло боль из-за сходства с умершей матерью: она была высокой и стройной и унаследовала от матери продолговатый череп, черные волосы, темные глаза и серьезное выражение лица, которое становилось прекрасным, стоило ему озариться улыбкой. Я не слишком хорошо знал дочь, потому что вовевал, пока она росла, и воспитывала ее Этельфлэд. Большую часть детства девочка провела среди монахинь в Кракгеладе, где ее наставляли в религии и женских ремеслах. По характеру дочь была доброй, хотя под медом пряталась сталь, и всегда с любовью относилась ко мне, но я не брался угадать, что она думает на самом деле. Ей уже пришло время выходить замуж, но мне не удавалось найти ни одного подходящего для нее жениха, да и она сама никогда не высказывала желания вступить в брак. Да и вообще говорила Стиорра мало, пряча свою истинную суть за молчанием и спокойствием.

Нижняя ее губа была разбита, она распухла и кровоточила. Кто-то сильно ударил ее, и я решил найти этого человека и убить. Стиорра – моя дочь, и никто не смеет бить ее без

моего разрешения, да и теперь она слишком взрослая, чтобы можно было поднимать на нее руку. Детей дозволялось воспитывать ремнем, но едва ребенок подрастал, порки прекращались. Мужья бьют жен, это естественно, хотя я никогда не трогал ни Гизелу, ни какую-либо другую из моих возлюбленных. И в этом я не одинок. Многие мужья не колотят своих жен, хотя закон это позволяет, а Церковь поощряет. Но мужчине не делает чести избивание слабых. Этельред бил Этельфлэд, но то был слабак, а слабак всегда пытается доказать свою силу, поднимая руку на женщину.

Я размышлял об этом и смотрел на дочь, которая стояла прямо и спокойно. Порыв ветра принес волну дождя. Я удивленно поднял голову, потому как день, казалось, был погожим, но дождик вскоре перестал.

– Господин! – резко окликнул меня Брайс.

В нем снова пробудились подозрения, но, прежде чем он успел их озвучить, появился мой сын с Этельстаном.

– Приведи мальчика сюда, – приказал Брайс Утреду.

– Ко мне, – распорядился я, и сын покорно подошел с Этельстаном к моему стремени.

Я улыбнулся парню, которого любил как родного. Это был хороший мальчик: озорной, как и полагается мальчишке, но умный и упорный. Он уже начал упражняться с оружием, учился обращению с мечом и щитом, и уроки пошли ему на пользу. Со временем, думалось мне, из него вырастет красивый молодой человек. У Этельстана были темные волосы,

узкое лицо и зеленые глаза, которые, я подозревал, он унаследовал от матери.

– Ты получишь парнишку, когда я получу свою дочь, – заявил я Брайсу.

Требование озадачило. Он был так глуп! Его мозги, подумалось мне, видно, сделаны из ячменной каши. Хороший воин, это да, но людей, подобных Брайсу, нужно всегда держать на поводке, как псов. Этельхельм наверняка послал Брайса в Сирренкастр в расчете, что тот сделает все для исполнения приказа. Детина будет неутомим, как гончая, идущая по следу кабана. Но когда вепрь погружает в брюхо собаке клыки, та понимает, что проиграла. Брайс все еще думал, что давалось ему нелегко, но в итоге учуял в моих словах подвох.

– Мы устроим обмен за городом, – предложил он.

– За городом? – спросил я, сделав вид, что не понимаю.

– За дурака меня держишь? – осведомился он.

– Ничего подобного, – мягко возразил я.

– Твои люди останутся внутри стен, – распорядился он. –

А ты выведешь мальчишку за ворота.

Я нахмурился, словно обдумывая его предложение, которое, разумеется, делало Брайсу честь. Он скумекал, что среди узких улочек Сирренкастра моя дружина одолеет его людей, зато обмен на открытом месте за городом позволяет не опасаться подобной ловушки.

– Ну? – напирал он.

Я посмотрел на человека на стене и очень медленно вски-

нул голову, выждал, а потом резко кивнул. Воин на стене исчез, но Брайс, разумеется, отнес кивок на свой счет.

– Будь по-твоему, – сдался я. – Но мне нужно твое честное слово.

– Мое слово, господин?

– Человек, ударивший мою дочь, должен быть наказан.

– Я ведь обещал, не так ли?

Я подвел коня немного ближе. Копыта звонко били по римской мостовой.

– Я требую, чтобы ты выдал этого человека мне, – заявил я.

– Его накажут, – упрямо повторил Брайс.

Затем послышались крики и безошибочно узнаваемый звон мечей, и я понял, что Финан со своими людьми проник в дом. Они не стали утруждаться, растаскивая солому и разбирая обрешетку, а спрыгнули на крышу, которая сразу проломилась. Первым, надо полагать, сиганул Гербрухт, фриз, который никогда не переставал есть и весил как добрая лошадь. Остальные парни последовали через дыру, проделанную его тушей. Я и ухом не повел, просто смотрел на Брайса.

– Ты выдашь мне этого человека, – повторил я, но вполне мог не сотрясать воздух, потому что сакс услышал возню и сообразил, что его обманули.

Я собирался направить на него коня, чтобы сбить противника с ног, но Брайс уже выхватил меч и бежал на меня.

– Ублюдок! – ревел он.

Он двигался быстро. Ни один воин не протянет долго, не будучи проворен, но для такого здоровяка Брайс перемещался на удивление стремительно. В одно мгновение он покрыл несколько разделяющих нас шагов и взмахнул мечом перед мордой моего скакуна. Я дернул поводья и едва не заорал от боли, залившей нижнюю часть ребер. И решил, что пропал, – Брайс стащит меня с седла и либо прикончит, либо, если в нем есть хоть капля здравого смысла, захватит в качестве нового заложника.

Но если детина был быстр, то моего сына стоило сравнить с молнией.

Меч Брайса так и не коснулся ни меня, ни лошади. Я едва успел сообразить, что произошло, как Утред выхватил свой сакс по имени Аттор и метнул. Короткий клинок ударил Брайса по ногам, и тот споткнулся. Я слышал грохот, с которым он упал, но на удивление быстро поднялся. Утред уже выхватил свой длинный меч, драгоценный Клюв Ворона. Этельстана он оттеснил назад, подальше от схватки.

– Иди сюда, эрслинг! – крикнул он Брайсу с вызовом.

Толпа, до того безмолвная, разразилась воплями.

– Ублюдок! – прорычал Брайс.

Отпихнув Аттор, он бросился на моего сына. Брайс, напомним, был опытный мечник, человек, всю жизнь упражнявшийся с клинком, которому умелое обращение с оружием принесло достаток. Он не ведал страха, а у Утреда, моего наследника, было открытое лицо, всегда улыбчивое и обман-

чиво невинное. Западный сакс решил, что срубит его двумя или тремя ударами. И первый же, рубящий с замаха, должен был рассечь моему сыну живот подобно ножу, вспарывающему мешок с угрями.

Утред отскочил и рассмеялся. Потом опустил Клюв Ворона и снова захихикал, а Брайс заглотил наживку и атаковал повторно, на этот раз нанеся укол. Когда Клюв Ворона поднялся, чтобы отразить его, сакс увел меч в сторону, минуя клинок сына, и потянул на себя с расчетом перепилить противнику шею. Все было проделано быстро и мастерски. Утред отпрянул назад и чуть в сторону, и лезвие прошло буквально в пальце от него. Брайс немного потерял равновесие, мой парень потянулся и толкнул здоровяка острием Клюва Ворона.

– Ты медлительный, – с упреком сказал он, когда западный сакс зашатался.

– Ублюдок! – Похоже, Брайс знал только одно ругательство.

Он утвердился на ногах и уставился на моего сына, увидел дерзкую ухмылку на невинном лице, и его обуяла ярость.

– Ублюдок! – заорал сакс и бросился вперед, снова в попытке нанести укол, но Утред без труда отвел его. Верзила с поразительной скоростью замахнулся, целя рубящий удар в голову сопернику, но снова Клюв Ворона встал на пути. До меня донесся звон клинков, показавшийся мне странным.

Клинки ударились друг о друга. Звук не походил на звон

колоколов, но эхо все же послышалось. А следующий удар Брайса вообще сопровождался дребезжанием, сходным с боем колокола Этельфлэд. Меч не сломался, однако звук не предвещал ничего доброго, и сакс это уловил. Он отступил на шаг.

Из дома повалили воины. Это были парни Брайса, но мои преследовали их по пятам, и никто не вмешался, когда сын впервые перешел в нападение. До того он ограничивался обороной и дразнил Брайса, но теперь распластался в ложном выпаде с целью отвлечь противника. За ним последовал рубящий удар на уровне пояса, который Брайс тоже отразил. Удар не был особо быстрым или коварным, но, встретившись с Клювом Ворона, меч сакса сломался. Он разлетелся на две половины, а Утред провернул кисть и приставил острие своего оружия к горлу Брайса.

– Как с ним быть, отец?

– Брось то, что осталось от твоего клинка! – велел я Брайсу.

Тот медлил, поэтому я вытащил Осиное Жало, свой сакс, и протянул Этельстану, укрывавшемуся за моим конем.

– Парень, если он не бросит меч, – заявил я мальчику, – то переруби ему этим клинком хребет пониже шеи. Пора тебе узнать, как убивать человека.

Этельстан заколебался, не зная, всерьез я или нет. Я сунул ему сакс.

– Бери! – приказал я. Малец взял короткий меч, затем сно-

ва посмотрел на меня. – Ты сын короля и в один прекрасный день сам можешь стать королем. Ты будешь раздавать в дар жизнь и смерть, так что учись делать это.

Этельстан сделал шаг к Брайсу, который наполовину повернулся, но потом застыл, когда мой сын проколол острием Клюва Ворона кожу на его шее. Тут наконец Брайс взялся за ум и уронил обрубок меча.

– Пусть живет, – бросил я Этельстану, который с облегчением повиновался приказу.

Из дома выбежало шестнадцать западных саксов. Драться они не рвались, и люди Финана занимались тем, что отбирали у них оружие. Освобожденная Стиорра подбежала ко мне. Я улыбнулся ей и взял за руку:

– Кто тебя ударил?

– Священник, – ответила дочь.

– Священник? – изумленно переспросил я, потом заметил среди пленников попа. Это был мрачный, злой человек в черной рясе, с тяжелым серебряным крестом на шее. Был он немолод, лет за сорок, с густыми седыми бровями и узким ртом.

– Это он заставил тебя закричать?

– Я услышала стук копыт и подумала, что это ты, – объяснила девочка. – Поэтому закричала.

– И тогда он ударил тебя?

– Нет, раньше, – с горечью возразила она. – И еще разорвал это. – И указала на разодранное льняное платье.

Финан быстрыми шагами пересек площадь.

– Ублюдки не хотят драться, – доложил он, и в голосе его угадывалось разочарование.

Брайс и его отряд стояли у двери под охраной моих воинов.

– Загоните их обратно в дом, – приказал я, потом сделал глубокий, болезненный вдох и повернулся к толпе. – Все кончено! Глядеть больше не на что! Возвращайтесь к работе!

Отец Креода, священник из церкви Этельфлэд, заведовавший также маленькой городской школой, поспешил к Этельстану. Обхватив голову парнишки ладонями, он закрыл глаза и, похоже, возносил благодарственную молитву за спасение подопечного.

– Отец Креода! – окликнул я его. – Выходит, мелкий ублюдок не был в школе?

– Нет, господин.

– А должен был быть?

– Да, господин.

– Так выпори его.

– Это не принесет пользы, господин, – уныло признался поп.

Отец Креода был человек достойный, открытый и честный. В Мерсию он перебрался из Уэссекса и разделял мечту короля Альфреда в образованное общество, богобоязненное и трудолюбивое, и я не сомневался, что Этельстан, хитрый, как куница, давно пришел к выводу, что бояться священни-

ка особо не стоит.

– Пользы не принесет, зато поднимет тебе настроение, – сказал я, потом наклонился, чтобы забрать у Этельстана меч. – А если ты не выпорешь, это сделаю я. И убери ухмылку со своей морды! – Последнее было адресовано мальчишке.

Но я и сам ухмылялся. И гадал, каких новых врагов нажил только что. И понимал, что наживу еще кучу.

* * *

Жилище Этельфлэд имело внутренний двор. Дом походил на лунденский, в котором я жил с Гизелой, но побольше. В середине двора имелся квадратный прудик, поверхность которого густо покрывала лягушачья икра. Мне часто представляется, как римляне жили в этих домах. После себя они оставили картинки, нарисованные на стенах или на маленьких плитках пола, однако изображения выцвели и либо расплылись, либо потрескались. Но сохранилось достаточно, дабы поведать нам, что римляне ходили, завернувшись в белое полотно, а иногда в обшитой металлическими пластинами юбке, надевавшейся ниже нагрудника. А еще часто щеголяли голышом, особенно женщины. На полу самой большой комнаты Этельфлэд были нарисованы нагие девушки, убегающие по лиственному лесу от мужчины с рогами козла и мохнатыми ногами, тоже козлиными. Когда отец Креода

прибыл в Сирренкастр, то поначалу настаивал, чтобы картину совершенно уничтожили, поскольку, мол, на ней представлен языческий бог, но Этельфлэд отказалась. «Он постоянно глядит на нее, – с усмешкой поделилась она со мной. – Поэтому я сказала ему, что это предупреждение насчет опасностей язычества».

Вот и теперь отец Креода смотрел на картину, а точнее, пялился на одну грудастую деваху, оглядывающуюся на догоняющего бога-козла.

– Хороша, отец, – заметил я, и поп тут же отвел взгляд, закашлялся, но ничего не сказал. Я не просил его входить в дом, но он все равно пошел и ни на шаг не отходил от Этельстана.

– Так, значит, в школе ты не был, – обратился я к мальцу.

– Я про нее забыл, господин, – ответил он.

– Ты находился в кузнице? – спросил я, словно не замечая его ухмылку.

– Да, господин.

– Потому что там твоя подружка?

– Подружка, господин? – невинно осведомился парень и затряс головой. – Нет, господин, я пришел потому, что Годвильф кует для меня меч. Он учит меня работе с металлом.

Я взял руки мальчика в свои, поглядел на его запястья и обнаружил крошечные отметки ожогов в тех местах, где искры попали на кожу.

– Годвульф знал, что тебе полагается быть в школе?

Этельстан ухмыльнулся:

– Знал, господин. Но он тоже думает, что лучше мне учиться чему-нибудь полезному.

– Полезному? – проворчал я, стараясь придать себе строгий вид, но малец почувствовал, наверное, мое одобрение его ответом, потому как улыбнулся. Следующий мой вопрос был обращен к Креоде. – Чему ты учишь его, отец?

– Латыни, господин, житиям святых, ну и, конечно, грамоте.

– Латынь полезна?

– Еще бы! Ведь на этом языке составлено наше Священное Писание.

Крякнув, я сел, что было большим облегчением. Финан согнал пленников в помещение на противоположной стороне двора, а в комнате, где по полу бежали обнаженные девушки, остались только мои родные, отец Креода и Этельстан. Эту просторную палату Этельфлэд любила больше других.

– Значит, ты слышал, что сюда пожаловали вооруженные люди? – спросил я у Этельстана.

– Да, господин.

– И тебе хватило ума оставаться в кузнице?

– Годвульф сказал, чтобы я сидел там, господин.

«Неплохо для кузнеца», – подумал я, потом посмотрел на Стиорру:

– А ты?

– Я, отец?

– Что ты сделала, когда пришли воины Брайса?

– Встретила их, отец, – едва слышно промолвила она. – Я думала, что они от короля Эдуарда.

– Тогда почему священник ударил тебя?

– Хотел узнать, где Этельстан, а я ему не говорила.

– Ты знала?

– Знала, – подтвердила она, посмотрев на мальчика и улыбнувшись.

– Но им не сообщила. Почему?

– Потому что они мне не понравились.

– И воины тебе не поверили?

Она кивнула.

– Отец Алдвин разгневался.

– Они обыскали школу и церковь, – вмешался отец Креода.

– И когда не нашли Этельстана, – продолжила дочь, – отец Алдвин назвал меня лживой сукой и велел говорить правду.

– Лживой сукой?

Она кивнула. Слуга прихватил ей платье одной из фибул Этельфлэд и отер кровь с лица, но губа оставалась распухшей и выдавала след от удара.

– Он вышиб тебе зуб?

– Нет, отец.

Отворив дверь, небрежной и уверенной походкой вошел

Финан. Я посмотрел на него.

– Ты учил моего сына владеть мечом, – заметил я.

– Да.

– Он быстрее тебя.

– С годами я становлюсь медленнее, господин. – Ирландец ухмыльнулся.

– Ты хорошо его научил, – продолжил я. – Он танцевал вокруг Брайса, как сокол вокруг цапли. Сколько убитых?

– Всего двое, – ответил Финан. – И четверо раненых. Остальные под стражей.

Я посмотрел на отца Креоду:

– Уведи Этельстана в другую комнату и вбей в него порцию латыни. Финан, приведи ко мне того священника.

Допрашивать Брайса не имело смысла – он просто цепной пес Этельхельма. А вот священник, как я подозревал, стоял на самом деле во главе отряда. Этельхельм мог положиться на Брайса при необходимости пробить лбом любое препятствие, но никогда не поручил бы дело тонкое и требующее ума. Отца Алдвина наверняка послали давать советы и отвечать за Этельстана. Мне хотелось вызнать, какая судьба готовилась парню.

Перешагивая через порог, поп споткнулся, – видимо, его подпихнул в спину Финан, который вошел следом и притворил дверь.

– Он возражал, – хмыкнул ирландец.

– Я капеллан господина Этельхельма, – заявил отец Ал-

двин. – Его духовник и наставник во Господе.

– Ты мой пленник, – поправил его я. – И сообщишь мне, что приказал тебе олдермен Этельхельм.

– Ничего я тебе не скажу. – Священник презрительно скривился.

– Врежь ему, – велел я сыну, но Утред заколебался. Христианские колдуны обладают силой, мой парень опасался последствий.

– Вот видишь! – Алдвин хмыкнул. – Мой Бог оберегает меня. – Он наставил палец на моего сына. – Только прикоснись ко мне, молодой человек, и будешь вечно гореть в аду!

– Откуда нам знать, священник ты вообще или нет? – спросил я.

– Я капеллан господина Этельхельма!

– Алдвин, да? – Я нахмурился. – Так тебя зовут? Помнится, я как-то встречался с отцом Алдвином. Это был старик с длинными седыми волосами и трясущейся рукой. Его разбил паралич, помнишь, Финан?

– Все так, он и есть. – Ирландец подхватил мою выдумку и раскрасил ее. – Хромой коротышка. Еще слюни пускал.

– Получается, это не отец Алдвин.

– Точно, этот ведь не слюнявый.

– Ты самозванец, – сказал я попу.

– Нет... – начал было он, но я его оборвал.

– Стащите с него рясу, – велел я Финану. – Он такой же священник, как и я.

– Ты не посмеешь!.. – заорал отец Алдвин, но крик оборвался, потому что кулак Финана погрузился ему в живот.

Ирландец прижал Алдвина к стене и обнажил нож.

– Видишь? – обратился я к сыну. – Это самозванец. Он только выдает себя за священника, как тот жирный малый, который объявился прошлой зимой в Сирренкастре.

Тот тип собирал монеты, говоря, что это на прокорм бедных и голодных, но занимался только тем, что набивал свое брюхо, пока отец Креода не допросил его. Жирдяй не смог даже прочитать Символ веры, поэтому мы содрали с него облачение до рубахи и выставили вон из города.

Когда Финан стал распарывать черную рясу, Алдвин издал сдавленный звук. Ирландец убрал нож, потом разодрал балахон посередине и сорвал с плеч попа. Алдвин остался в одной грязной сорочке, доходящей до колен.

– Видишь? – повторил я. – Это не священник.

– Ты совершаешь преступление пред Господом! – прошипел мне Алдвин. – Господом и Его святыми!

– Да я крысиного дерьма не дам за твоего божка, – сказал я. – Кроме того, ты не священник. Ты самозванец.

– Я... – Продолжения не последовало, потому как Финан снова ударил его в живот.

– Говори, самозванец, что собирался сделать Этельхельм с принцем Этельстаном? – спросил я.

– Он не принц, – выдал Алдвин.

– Утред, – я посмотрел на сына, – врежь ему.

Сын помедлил с удар сердца, потом пересек комнату и отвесил священнику тяжелую оплеуху.

– Хорошо, – похвалил я.

– Мальчишка – ублюдок, – заявил Алдвин.

– Еще разок, – обратился я к сыну, и тот с силой приложил попу тыльной стороной ладони.

– Король Эдуард и мать Этельстана обвенчались в церкви, и священник, который их поженил, жив, – сообщил я.

Я надеялся, что отец Кутберт еще жив, и, судя по изумленной реакции Алдвина, это было так. Алдвин уставился на меня, пытаясь понять, правду я сказал или нет. Мне подумалось, что, если бы ему сообщили о существовании отца Кутберта, он так бы на меня не смотрел.

– Он жив, – продолжил я, – и покажет под присягой, что обвенчал Эдуарда и леди Экгвин. А это означает, что Этельстан – старший сын короля, этелинг, наследник трона.

– Ты лжешь, – произнес Алдвин, но без убежденности.

– Так ответь мне на вопрос: как собирались вы поступить с этелингом? – терпеливо спросил я.

Потребовались время и угрозы, но в итоге он заговорил. Этельстану предстояло отправиться за море в Нейстрию, большую полосу гористой земли, образующую западную провинцию Франкии.

– Там есть один монастырь, – сообщил Алдвин. – Мальчишка передадут тамошним монахам на воспитание.

– Поместят в заключение, ты хотел сказать.

– На воспитание, – не сдавался Алдвин.

– В месте, охваченном войной, – продолжил я.

Провинцию Нейстрия разоряли норманны, целые орды людей, решивших, что Франкия сулит более легкую добычу, нежели Британия. Любой монастырь в тех бесприютных местах на берегах океана неизбежно должны были разграбить жадные викинги, а всех его обитателей предать мечу.

– Ты хотел убить этелинга, не обагрив кровью собственные руки, – обвинил его я.

– В Нейстрии есть святые люди, – пробубнил поп.

– Святые тюремщики. Королю Эдуарду известно об этом?

– Король согласился передать сына-ублюдка на воспитание Церкви, – заявил Алдвин.

– Он думает, что речь идет о некоем монастыре в Уэссексе, – предположил я. – А не о дыре в Нейстрии, где рано или поздно какой-нибудь норманн выпустит его сыну кишки.

– Или продаст в рабство, – негромко заметил Финан.

Это выглядело правдоподобно. Этельстан и его сестра, двое детей? На невольничьих рынках Франкии за них можно выручить неплохую цену.

– Ублюдок, – бросил я Алдвину. – А что до его сестры? Ее ты тоже хотел сделать рабыней?

Поп ничего не ответил, только вскинул голову и с вызовом уставился на меня.

– Ты ездил в Нейстрию? – спросил я, повинуюсь некоему порыву.

Алдвин замялся, потом покачал головой:

– Нет, с какой стати?

Я стоял, морщась от невыносимой боли. Затем вытащил Осиное Жало и подошел к священнику так близко, что ощутил его зловонное дыхание.

– Даю тебе еще один шанс, – рыкнул я. – Ты ездил в Нейстрию?

Он снова заколебался, на этот раз от страха перед коротким лезвием сакса.

– Да, – признался поп наконец.

– И с кем ты там встречался?

Я повел Осиным Жалом, и пленник вздрогнул.

– С аббатом монастыря Святого Стефана в Кадуме, – в испуге выпалил он.

– Лживый ублюдок, – бросил я. Если бы в его планы входило всего лишь поместить парня в монастырскую школу, хватило бы простого письма. Я поднял клинок, задрав обтрепанную полу его сорочки. – С кем ты встречался?

Алдвин затрясся, ощутив прикосновение острия к своим чреслам.

– С Хрольфом, – прошептал он.

– Громче!

– С Хрольфом!

Хрольф – норманн, вождь, который пришел со своими кораблями во Франкию и разграбил прибрежные поселения. До Британии доходили вести, что Хрольф захватил изряд-

ный кусок Нейстрии и намерен осесть там.

– Намеревался сбыть близнецов Хрольфу? – поинтересовался я у попа.

– Хрольф – христианин. Он позаботился бы о них как подбавляет!

– Хрольф такой же христианин, как и я! – рявкнул я. – Он так говорит, потому что такую цену надо заплатить франкам за право остаться там. Я бы тоже сказал, дай мне новое королевство. Ты продал бы Этельстана и Эдгит этому ублюдку, и как тот с ними поступил бы? Убил их?

– Нет, – выдавил священник, но без особой уверенности.

– И внук господина Этельхельма остался бы единственным наследником престола Уэссекса. – Я поднял острие Осиного Жала выше, и оно коснулось живота Алдвина. – Ты предатель, Алдвин. Ты умышлял отнять жизнь у старших детей короля.

– Нет, – снова пролепетал он.

– Так назови мне причину, по которой мне не следует тебя убивать.

– Я священник! – взвизгнул поп.

– Ты одет не как священник, – ответил я. – И ты ударил мою дочь. Священники так себя не ведут, не правда ли?

Возразить ему было нечего. Моя слава убийцы попов известна всем. Большинство, ясное дело, опасается прикончить священника или монаха, зная, что за это пригвожденный Бог станет вечно их мучить, но я мести христианского

Бога не боялся.

– Алдвин, ты предатель, – повторил я. – Так почему бы мне тебя не убить? Ты это заслужил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.